

Магические легенды

МАЙК ГЕЛПРИН
ЮЛИЯ ГОФРИ

УЦЕЛЕВШИЕ

Annotation

Тысячи лет древняя раса йолнов паразитирует на людях. Йолны переселяются из одного человеческого тела в другое, при этом убивая своих носителей. Люди ненавидят йолнов, но все ли из них заслуживают ненависти?..

У жителя Санкт-Петербурга Антона Самарина пропала жена. Через два года ее труп обнаружили в Магадане, но почему покойница, которой нет и тридцати, выглядит так, будто прожила длинную бурную жизнь? И почему перед смертью она находилась рядом с женщиной, которая теперь тоже числится в розыске? Антон не верит доводам следователя и оперативников, он готов вести самостоятельное расследование, и однажды в его квартире раздастся звонок...

Майк Гелприн, Юлия Гофри
Уцелевшие

Глава первая

В девять пятнадцать утра телефонная трель вырвала Антона Самарина из сна.

— Машина уже выехала, Антон Петрович, — раздался голос Пахомова в трубке. — Так что собирайтесь и ждите, скоро будет.

— Чего ждать? — не понял спросонья Антон. — Какая машина, куда выехала, зачем?

— За вами выехала, — уточнил Пахомов. — Собирайтесь, пожалуйста, на месте я вам все объясню.

Милицейский «фордик» подкатил к подъезду ровно в десять утра.

— Куда едем? — спросил Самарин, усаживаясь на пассажирское сиденье и пожимая руку сержанту-водителю.

Тот нахмурился, бормотнул что-то невнятное и дал газу. Цель поездки, впрочем, выяснилась уже через полчаса, едва «фордик» свернул с Пискаревского по направлению к больнице Мечникова. Пахомов ждал у дверей больничного морга. Антон вылез из машины и на негнущихся ногах двинулся навстречу следователю.

— Крепитесь, Антон Петрович, — угрюмо сказал Пахомов и ухватил Самарина за локоть. — Пройдемте.

Опознать Ольгу было нелегко. Стиснув зубы, дурея от запаха формалина и едва сдерживая подступающие к горлу спазмы, Антон Самарин смотрел на то, что осталось от его жены и от его счастья. Ольга... перед ним, бесспорно, лежала Ольга. И в то же время...

— Это не она, — хрипло выдохнул Антон. — Не может быть, что это она!

Лицо покойной выглядело так, словно лет ей было по меньшей мере вдвое больше, чем на сегодняшний день Ольге.

— Увы, это все же она, — пробивалась сквозь наползающий на сознание туман скороговорка Пахомова. — Нашли в Магадане... В сквере, на скамье... Четыре дня тому... Опознали по розыскным фотографиям... Возрастные данные не сошлись... Вскрытие, однако, показало... Острая сердечно-сосудистая недостаточность... Инфаркт... Доставили в Санкт-Петербург самолетом...

— Самолетом, — механически повторил Антон. — Боже, зачем?

— Антон Петрович, вам нехорошо? Вас сейчас же отвезут домой, я распоряджусь, только, пожалуйста, вот здесь распишитесь.

— Не надо, — сквозь зубы проговорил Самарин. — Не надо домой. Давайте я подпишу. Вы поезжайте, я хочу побыть один.

— Хорошо, конечно, конечно, — заторопился следователь. — До свидания, Антон Петрович, всего доброго вам.

С трудом преодолевая накатившую сердечную боль, Антон Самарин проплелся метров сто по больничной аллее и тяжело опустился на первую попавшуюся скамейку. Достал сигареты, закурил, боль немного отпустила. Он только сейчас заметил, что плачет, — слезы набухали в уголках глаз и медленно скатывались по щекам к подбородку.

Ольга исчезла два года назад. Выскочила к метро за сигаретами, бросив в дверях, что через десять минут вернется. Час спустя начавший нервничать Антон помчался к метро, оглядываясь по сторонам и злясь, уверенный, что вот-вот увидит жену, заболтавшуюся со случайно встреченной подругой. Еще через полчаса он вернулся домой, схватил телефонную

трубку и принялся названивать жившим поблизости знакомым, а затем и всем приятелям, друзьям и сослуживцам. Никто ничего не знал. К полуночи, кое-как уложив детей, Антон позвонил Ольгиным родителям. Сорока минутами позже они примчались на такси. К тому времени Самарин обзвонил больницы и морги: никакой информации. В полтретьего ночи рванул с тестем в районное отделение милиции. Там сонный сержант нудным голосом объяснил, что дела об исчезновении родственников возбуждаются самое раннее по истечении трехдневного срока со дня пропажи, а до тех пор особых оснований волноваться и переживать нет.

— Всякое бывает, — неторопливо бубнил сержант. — Пропадет дамочка — большое ли дело? Погуляет да и назад вернется. Дело, дорогие граждане, житейское, бабское.

Антону показалось, что ему дали пощечину. Мир помутился вдруг, расплылся, затем и вовсе исчез, и Самарин пришел в себя лишь от заполошного сержантского крика.

— Ты что творишь?! — орал тот. — Руки прими! Руки прими, я сказал!

Антон пришел в себя и обнаружил, что стоит перегнувшись через барьер и ухватив побагровевшего сержанта за грудки. Он разжал пальцы, отшатнулся, и подоспевшие на шум милиционеры дежурной смены надевать на него наручники не стали.

В виде исключения дело возбудили и передали в прокуратуру на следующий же день — этого добился нанятый за сумасшедшие деньги адвокат. В прокуратуре дело принял старший следователь Пахомов. За поиски он взялся рьяно: двое приданных следователю оперативников за сутки обошли квартиры дома Самариных и опросили жильцов. Следующие сутки ушли на опрос владельцев окрестных собак, выгуливающих питомцев на пустыре между домом и станцией метро «Проспект Просвещения». На третий день сняли показания с полубеспризорных подростков, вечно отирающихся под грибком на примыкающей к пустырю заброшенной детской площадке. Никаких результатов, однако, эти опросы не дали. Ни любознательные старушки-соседки, ни собаководладельцы, ни кандидаты в колонию для малолетних не видели женщину двадцати восьми лет в желтом плаще, путь которой неминуемо должен был пройти через пустырь.

Антон взял отпуск и первое время не вылезал из прокуратуры, так что Пахомову зачастую приходилось от него прятаться. Сначала Самарин верил, что Ольга найдется, потом — заставлял себя верить... Одну за другой он выдвигал сумасшедшие версии, пытаясь убедить себя, что произошло нечто совершенно невероятное, но все же возможное, и донимал этими версиями следователя.

— Бывает, и так бывает, — авторитетно подтверждал Пахомов гипотезу о похищении Ольги инопланетянами. — С мое бы послужили, знали бы, что и не такое бывает. Вы бы шли домой, Антон Петрович, нечего здесь сидеть, надо будет — я сам вас обязательно вызову.

Вечерами опустошенный, одуревший от бессонницы Самарин возвращался в пустую квартиру (детей забрали Ольгины родители) и глушил себя водкой. Пил один, заедая чем придется, до тех пор, пока было что пить или пока не валился пьяным в постель.

От помощи друзей он отказывался. Антона мутило лишь от мысли о том, что придется переносить чье-то наигранное сочувствие. Он не мог и не хотел никого видеть, даже детей. Пару раз приезжала мгновенно постаревшая на десяток лет Ольгина мама, привозила немудреную провизию. Он скупно благодарил и, обменявшись с тещей парой ничего не значащих фраз, вновь уходил в себя. Отношения с родителями жены всегда были натянутыми.

На десятое утро после исчезновения жены забывшегося пьяным сном Антона разбудил настойчивый звонок в дверь. С трудом заставив себя подняться, он поплелся открывать.

— Дядя Антон, — кричал за дверью Вовка, соседский мальчонка, — дядя Антон, мама сказала, чтобы вы на улицу срочно шли! Там милиция приехала, что-то говорят про тетю Олю.

В чем был, Самарин метнулся вон из квартиры, оттолкнул Вовку, скатился вниз по лестнице. Перед подъездом собралась редкая группа жильцов, которую теснил в сторону участковый. Неподалеку приткнулась «Скорая помощь» с распахнутой настежь задней дверью, в нее двое санитаров подавали крытые белой простыней носилки. Третий — в кузове, снаружи не видимый, — принимал.

Антон рванулся. Продрался сквозь стайку соседей, оттолкнул стоявшего на пути участкового и бросился к носилкам.

— Назад! — заорал ему в спину милиционер. — Назад, я сказал, сука!

Не обращая внимания, Самарин в три прыжка преодолел расстояние до «Скорой» и рванул покрывающую носилки простыню...

Очнулся он лежащим на тротуаре навзничь, с разбитым в кровь лицом и не фокусирующимся зрением — перед глазами расплывались радужные круги. Но Антону было на это плевать, и даже зла на приложивших его санитаров он не держал. Страшное раздутое лицо старой мертвой бомжихи, которое он увидел, сдернув простыню, не имело ничего общего с Ольгиным... все остальное по сравнению с этим было не важно.

— Жена у него пропала. Из дома вышла и не вернулась, двух недель еще нет, — донесся до Антона голос соседки, объясняющей ситуацию участковому. — Извелся он весь, бедный, такое горе, господи. Двое детей. Танечка нынче в школу пошла, а Димка — тот на год младше. Сиротки.

Последнее слово прозвучало как приговор. Именно в этот момент Антон отчетливо понял, что Ольга не вернется. Никогда.

Через три дня он получил повестку в прокуратуру. Переступив порог, Самарин побрел к столу, вяло пожал следователю руку и безразлично опустился на стул.

— Скажите, Антон Петрович, — Пахомов протянул фотографию, — вам знакома эта вещица?

Антон едва не выхватил снимок у следователя из рук. На фотографии был браслет — его подарок Ольге на годовщину свадьбы. Серебряный, сделанный по заказу, с застежкой в виде пальмовой ветки с качающейся на ней обезьянкой. Он сам рисовал ювелиру эскиз этой застежки.

— Это Олин браслет, — Антон почувствовал, что вновь обретает утраченную надежду. — Он был на ней, когда... Откуда он у вас? Вы нашли его? Или...

— Не волнуйтесь, Антон Петрович, — проигнорировал вопросы Пахомов и протянул новую фотографию. — Ничего страшного пока не случилось. Скажите, вы знаете эту гражданку?

На снимке была запечатлена стройная молодая женщина в пестром сарафане, небрежно опирающаяся на парапет набережной. В ее облике было что-то неуловимо знакомое, однако Антон мог бы поклясться, что не знает ее.

— Я не знаком с этой женщиной, — сказал он хрипло. — Никогда ее раньше не видел. Прошу вас, ответьте на мой вопрос. Это же Олин браслет. Откуда он у вас?

— Да, браслет ее, — подтвердил следователь. — Ваша теща его уже опознала. Откуда он у меня, я расскажу вам несколько позже. А вот насчет женщины вы не совсем правы — вы ее видели. Это Тамара Олеговна Пегова, жительница Омска, исчезнувшая и объявленная в

розыск около трех лет тому назад.

— Клянусь, не знаю никакой Пеговой, — Самарин с силой саданул воздух ребром ладони.

— Не горячитесь, Антон Петрович, — Пахомов поморщился. — Вы не знаете Пегову, и я вам верю. Но вы тем не менее ее видели. Три дня назад ее труп обнаружили в подвале вашего дома. А браслет — на нем, кстати, сломана застежка... Та самая, с обезьяной. Так вот браслет вашей жены оказался при ней.

— О Господи, — опешил Антон. — Постойте, но я видел старую опустившуюся бомжиху лет, по крайней мере, шестидесяти. Возможно, даже старше. Мертвую. Я видел ее секунду или две, потом...

— Я знаю, что случилось потом, — прервал Пахомов. — Это не суть важно. Вот что получается, Антон Петрович. По результатам вскрытия Пегова умерла в тот самый день, когда исчезла ваша жена Ольга Самарина. Ольга покинула квартиру без четверти десять вечера, и больше ее никто не видел. А Пегову как раз видели. По крайней мере, трое свидетелей, в десятом часу, то есть незадолго до исчезновения вашей жены, и в непосредственной близости от вашего дома. Вас это не наводит на размышления, Антон Петрович?

— Вы на что намекаете? — Кровь бросилась Антону в лицо. — Вы что же, хотите сказать, Оля убила эту старуху? Вы... вы... — Самарин привстал со стула и, опершись руками о край стола, навис над следователем.

— Успокойтесь, — Пахомов резким движением поднялся на ноги. — Сядьте немедленно!

Антон опустился на стул, он уже мало что соображал и лишь оторопело глядел снизу вверх следователю в лицо.

— Так-то лучше, — хмыкнул Пахомов. — Никто ни вас, ни вашу жену ни в чем не обвиняет. К тому же Пегову не убивали. Она, к вашему сведению, умерла естественной смертью.

— Естественной смертью? Тогда при чем тут Ольга? Ах да, — Антон понурился, растерянно протер глаза тыльной стороной кисти руки. — У Пеговой был Ольгин браслет. Извините, я мало что понимаю. Отчего она умерла?

— По заключению врачей — от острой сердечно-сосудистой недостаточности. На момент смерти Тамаре Пеговой было двадцать девять лет. Но состояние организма — как у семидесятилетней старухи. Скажите, вы не замечали за вашей женой каких-либо странностей перед ее исчезновением? Может быть, она волновалась? Звонила кому-нибудь незнакомому или звонили ей?

— Вы сотню раз задавали этот вопрос, — ответил Самарин устало. — Еще раз повторяю: нет, нет и нет.

— Хорошо, Антон Петрович. Спасибо, вы можете идти. Я буду держать вас в курсе.

Следователь вызывал Самарина еще несколько раз, снова затевал разговор о браслете, о покойной Пеговой, о поведении Ольги. А потом и вызывать перестал. До того самого утра, когда позвонил и сообщил, что выслал машину. Со дня исчезновения Ольги прошло уже больше двух лет...

За эти два года Антон Самарин, сильный, спортивный, уверенный в себе мужик, любящий муж и отец, превратился в угрюмого и неопрятного нелюдима, алкоголика без определенных занятий и планов на будущее.

Он искренне считал себя однолюбом и счастливым человеком. Через восемь лет после свадьбы он любил жену ничуть не меньше, чем в медовый месяц. Они с Ольгой, казалось, были созданы друг для друга. Антону никогда и в голову не приходило закрутить роман на стороне, хотя возможностей хватало с избытком. Исчезновение жены не просто подкосило его, а полностью вышибло из-под ног опору.

Какое-то время Самарин заставлял себя ходить на службу в банк, где был на хорошем счету и где ему прочили в скором будущем должность начальника инвестиционного отдела. Но работа валилась из рук, он стал делать ошибки, и все чаще и чаще приходилось под сочувственные взгляды сослуживцев получать выволочки от начальства. Около года такое положение вещей терпели. Наконец, Антона вызвали к кадровику, и тот, пряча глаза, предложил написать заявление по собственному желанию.

Работы не стало, а вместе с ней не стало причины следить за собой и держать себя в руках. Антон Самарин сломался. Опустился и пошел ко дну. Сейчас, после того, как смерть Ольги подтвердилась официально, он, сидя на скамейке в больничном парке и жадно втягивая до фильтра третью подряд сигарету, осознавал это вполне отчетливо.

— Поплачь, парень, поплачь, — услышал вдруг Антон скрипучий старческий голос. — Небось жена была, а?

— Тебе какое дело, — ответил Самарин грубо. — Не стой здесь, отец, ступай своей дорогой.

— Да я что, я ничего, — забормотал старик и суетливо выудил из внутреннего кармана картонный прямоугольник. — На вот, возьми, тебе это.

Прямоугольник оказался визитной карточкой с золотыми виньетками по краям.

В центре стояло имя — Николай Иванович Муравьев, а над ним красовалась надпись, показавшаяся Антону воистину дурацкой, если не издевательской.

— Его сиятельство граф Николай Иванович Муравьев, — прочитал Самарин надпись вместе с именем. — «Сиятельство», надо же, хорошо, не «величество». Что за бред, отец? Зачем это мне? Да и сам ты откуда взялся?

— Работаю я здесь, — старик переступил с ноги на ногу. — Сторож я при морге, пятый год уже как. Николай Иваныч велел позвонить. Зачем — сам тебе обскажет. Ты, парень, ему не перечь, позвони. А мне, извини, идти надо.

Вернувшись домой, Антон привычно двинулся на кухню, извлек из холодильника початую поллитровку и под обрез набухал стакан. Ссутулившись, опустился на стул, выдохнул и зажмурился, готовясь проглотить водку залпом. В последний момент сдержал руку — пить внезапно расхотелось. Отставил стакан и, навалившись локтями на стол, кулаками подпер подбородок.

«Пора подводить итоги, — пришла не слишком оригинальная мысль. — Итак, Оли больше нет...»

Антон давно смирился с тем, что Оли больше нет, однако лишь теперь он осознал, что до сегодняшнего дня надежда на чудо все еще теплилась. Сейчас не осталось даже надежды, и Самарин вдруг понял, что ему стало легче. Он подумал, что, опознав тело Ольги, тем самым отпустил ее, — или, быть может, это Ольга его отпустила. О том, что самая горькая правда все же лучше неопределенности, он неоднократно слышал и читал. Теперь предстояло убедиться в этом на собственном опыте.

Впервые за последние два года Антон попытался не глушить разум алкоголем, а

проанализировать ситуацию. Мысли путались: привыкший к ежедневным выпивкам организм требовал спиртного и категорически отказывался думать. Усилием воли Антон встал из-за стола, побрел в спальню. Теща иногда прибирала на кухне и в ванной, вытирала пыль в гостиной, но сюда не заглядывала. Самарин с отвращением оглядел запущенную комнату, покрытые слоем пыли книжные полки, воцарившийся повсеместно беспорядок. Он шагнул к окну, отвернул шпингалет и распахнул фрамугу. Промозглый ноябрьский ветер мгновенно ворвался в комнату, хлестнул порывом в лицо. Антон глубоко вдохнул и закрыл глаза. Он простоял так, на ветру, минут пять, пока не почувствовал, что стало слишком холодно. Тогда он хлопнул окно, вновь огляделся и решил приняться за уборку. Швабру, тряпки и веник пришлось разыскивать, пылесос найти и вовсе не удалось. Два часа без перерыва Самарин яростно драил полы, протирал от пыли мебель и выгребал из всех углов мусор.

В конце концов он порядком вымотался, отставил в сторону швабру с намотанной на нее мокрой тряпкой, опустился на аккуратно застеленную кровать, придвинул журнальный столик с пепельницей, закурил и стал подводить итоги.

Они оказались неутешительными. Он нигде не работал уже больше года, и на еду с выпивкой за этот срок ушло порядочно. Денег оставалось крайне мало. Антон вспомнил, что за все время ни копейки не потратил на детей. Раньше он гнал от себя эту мысль, и совесть услужливо подносила оправдание: ему не до детей, а Олины родители люди не бедные. Сейчас стало мучительно стыдно. Антон почувствовал себя сволочью, и осознание того, насколько опустился, это ощущение порядком усугубило.

«Так, надо все менять, — решил он. — Мне тридцать два года, и жизнь еще не закончилась. Надо собраться и жить дальше».

«Закончилась твоя жизнь, — возразил Антон вчерашний. — Дальше жить не для чего, не для кого да и незачем. Дети от тебя отвыкли, да и что ты можешь им дать? Работы нет, перспектив нет, и появятся ли они — неизвестно. Посмотри на себя, кто даст тебе хотя бы полшанса? Ты — слабак и уже фактически сломался. Оказался элементарно не способен выдержать то, что с тобой случилось».

«А кто бы на моем месте оказался способен? — возразил своему второму «я» Антон. — Любой бы сломался».

«Не любой. Люди теряют близких и держатся. Ты покатился вниз, потому что ты тряпка».

Самарину захотелось заехать себе по лицу, с силой, чтобы в кровь. Он едва удержался от этого, выругался вслух, резко встал, пнул ногой притуленную к стене швабру и двинулся на кухню. В коридоре остановился у зеркала, пристально посмотрел на свое отражение и криво усмехнулся. На него глядела плохо выбритая помятая личность неопределенного возраста. Раньше, увидав такого субъекта, Антон безошибочно распознавал в нем алкаша.

«А ты и есть алкаш, — вновь вступил внутренний голос. — И не строй лишних иллюзий, правде надо смотреть в глаза».

Антон посмотрел в глаза своему отражению и кивнул, соглашаясь. Отражение заботливо кивнуло в ответ. Стало противно и муторно, и мучительно захотелось выпить.

«А вот и выпью, — решил Антон. — В последний раз выпью — и завяжу. А с завтрашнего дня начну звонить в агентства по найму. Черт, ведь мне сегодня уже велели звонить. Правда, не в агентство и не кому ни попадя, а самому его сиятельству. Вот дурдом, сиятельства мне только и не хватало».

Самарин достал из брючного кармана бумажник и извлек из него давешнюю визитку.

«А что, — саркастически усмехнулся он, — новую жизнь вполне уместно начать со звонка графу. Потом позвоню, к примеру сказать, герцогу, регенту или принцу, ну а дальше можно будет смело звонить в психушку. И попросить к телефону императора или, на худой конец, короля».

Самарин хмыкнул и набрал номер.

— Здравствуйте, — услышал он в трубке механический голос автоответчика. — Граф Муравьев сожалеет о том, что не может сейчас поговорить с вами. Однако он будет счастлив вам перезвонить. Оставьте, пожалуйста, свой номер телефона.

— Алло, граф, — дурашливо сказал в трубку Самарин. — А это вас барон беспокоит. Барон, э-э...

«Мюнхгаузен», — услужливо подсказал внутренний голос.

— Барон Мюнхгаузен, — понесло Антона, — имеет честь звонить графу. Боже, царя храни. Как здоровье сиятельства? Надеюсь, прекрасно? А графиня, она по-прежнему с изменившимся лицом бежит к пруду? Ах, граф...

Антон осекся и швырнул трубку.

— Клоун, — сказал он вслух. — Пропади все пропадом.

Он двинулся на кухню, там залпом опорожнил стакан. Занюхал рукавом и незамедлительно налил еще.

— Ваше здоровье, граф, — сказал Антон, отвесив шутовской поклон.

Выпил, побрел, пошатываясь, в спальню. В чем был повалился на кровать и через минуту захрапел.

Пробудившись поутру, Самарин с трудом встал и поплелся в ванную. Он ощущал все привычные признаки похмелья и чувствовал себя так, будто только что выкарабкался из помойки. Голова раскалывалась и казалась чугунной.

Холодный душ помог, после него стало можно с грехом пополам, но жить. Антон выбрался в коридор, уперся взглядом в телефонную трубку и вспомнил вчерашний звонок. Жить расхотелось.

«Надо извиниться, — решил Антон, — Скажу, что был пьян. Для русского мужика причина более чем уважительная — граф, если он граф, должен такие вещи понимать».

Самарин вспомнил, что ерничал вчера, будучи трезв, и ему стало совсем стыдно.

«С другой стороны, — попытался оправдаться он перед самим собой, — еще неизвестно, кто этот «граф» такой. С какой стати раздает визитки родственникам покойных? Возможно, никакой это не граф, а заурядный аферист, наживающийся на человеческом горе».

Антон не успел додумать, стоит ли ему звонить извиняться или оставить все как есть, — телефону, видимо, надоело дожидаться решения, и он зазвонил сам.

— Здравствуйте, я могу побеседовать с Антоном Петровичем Самариным? — незнакомым голосом осведомилась трубка.

— Да, я Самарин, здравствуйте. Простите, с кем я говорю?

— Ах, Антон Петрович, а я, признаться, уже начал беспокоиться, — заботливо сообщил голос. — Звонил вам вчера весь вечер, не мог застать. Позвольте представиться: Николай Иванович Муравьев.

Антон покраснел. То, что у графа почти наверняка установлен определитель номера, он упустил из виду.

— Я п-прошу, — заикаясь, начал Антон, — п-прощения. Из-звините, понимаете, вчера я н-немного выпил, и...

— Все понимаю. — Голос в трубке из заботливого внезапно стал жестким и властным. — Не извиняйтесь, сие ни к чему. У меня к вам дело, не терпящее отлагательств. Возможно и даже вероятно, оно весьма вас заинтересует. Скажите, могли бы вы уделить мне время сегодня?

— Да, пожалуйста, — растерялся Самарин, — а о чем, извините, пойдет речь?

— Через час вас устроит? — проигнорировал вопрос собеседник.

— Да, собственно, но где мы встретимся?

— Не волнуйтесь, Антон Петрович, под дождем мокнуть не придется. Я высылаю машину — она будет у вашего дома через полчаса.

Антон не успел спросить, откуда собеседнику известен его адрес. Минуту он растерянно простоял с трубкой в руке, пытаясь собрать воедино разрозненные мысли.

«Ну хорошо, адрес и имя абонента можно узнать, имея номер телефона, — сообразил наконец Самарин. — Но что за манеры у этого сиятельства — с места в карьер. И что за дело такое, не терпящее, видите ли, отлагательств».

Не придя ни к какому выводу, Антон плюнул и раздраженно стал одеваться.

«Извините, граф, я забыл свой смокинг у маркизы N, — мысленно сказал он, запирая за собой квартирную дверь. — Монокль, парик, панталоны — что там полагается еще иметь? — оставил у нее же. Засим в чем есть. Пожалте карету».

Вместо кареты у подъезда стоял новый, с иголки «пятисотый» «Мерседес». При появлении Самарина высоченный, под два метра ростом, водитель выбрался из машины, обогнул ее и предупредительно распахнул дверцу.

«Непорядок, вась-сиясь, шофер не в ливрее», — мысленно отпустил последнюю шпильку Антон, опускаясь на пассажирское сиденье.

— Да-да, я действительно потомственный русский дворянин и наследник графского титула, — Николай Иванович Муравьев остановился у дверей кабинета, пропуская гостя вперед. — И я, смею заметить, более чем серьезно к сему факту отношусь. Разумеется, у меня есть документы, официально заверенные и признанные Российским Дворянским собранием. Прошу вас, присаживайтесь, Антон Петрович.

Выглядел Муравьев лет на пятьдесят. Ничего эдакого графского, однако, Антон во внешности его не усмотрел. Мужик и мужик, крепкий, с выдающимся вперед волевым подбородком и изрядной проседью в коротко стриженных, зачесанных назад черных волосах. Разве что манера вставлять в речь вышедшие из употребления словечки и обороты напомнила Самарину о читанной в детстве классике.

Жилище графа, впрочем, вполне соответствовало дворянскому титулу владельца. Дом на Садовой походил на крепость. Массивный, недавно отреставрированный и выкрашенный по фасаду в строгий темно-серый цвет, с внушительным, немного приземистым холлом при входе. В холле дежурили два охранника, крепкие, нарочито неторопливые в движениях, одетые в одинаковые полуспортивные пиджаки. И с одинаковыми же профессионально-запоминающими цепкими взглядами. Квартира на третьем этаже оказалась не просто большой, а огромной, с высокими потолками и, по меньшей мере, пятью или шестью комнатами. Правда, обставлена она была весьма скромно: ни гобеленов во всю стену, ни ломящихся от антиквариата шкафов Антон не обнаружил.

Усадив гостя в стоящее у внушительных размеров письменного стола кресло, Муравьев остался стоять.

— Сейчас Макс сотворит кофе, — сказал он, — и, пожалуй, начнем. Или, может быть, извольте чай?

Антон согласился на кофе. Максом оказался давешний шофер, верзила с перебитым носом и внушающими уважение кулаками. Антон подумал, что помимо функции водителя он, должно быть, выполняет при графе работу телохранителя.

— Помните, у графа Монте-Кристо был немой слуга-абиссинец по имени Али? — спросил Николай Иванович, когда Макс вкатил в кабинет сервировочный столик с причиндалами для кофепития.

Антон удивленно кивнул.

— Так вот, Макс не имеет с тем немым чернокожим ничего общего, — сообщил Муравьев и, довольный шуткой, расхохотался. — Кроме одного, — добавил он, оборвав смех, — при Максе можно говорить все, что заблагорассудится. Засим, если не возражаете, перейдем к делу. Если у вас есть вопросы, Антон Петрович, сделайте милость, задавайте. Я постараюсь ответить, а потом, с вашего позволения, начну спрашивать сам.

— Сторож в морге, как я догадываюсь, ваш знакомый? — спросил Антон.

— Не столько знакомый, сколько, с позволения сказать, агент. Он у меня на зарплате — ничего особенного, но по стариковским меркам сумма изрядная. И работа несложная — всего лишь оповещать о моей персоне людей, опознавших в покойницах своих пропавших без вести родственников. Их обо мне, а меня, соответственно, о них. О чем-нибудь желаете еще спросить, Антон Петрович?

Антон покачал головой. Единственным вопросом, который он мог бы задать, был: «Что вам от меня нужно?» — но на него граф так или иначе ответит и сам.

— Пока все, — сказал Самарин, — но думаю, вопросы еще появятся.

— Всенепременно, — подтвердил Николай Иванович. — Осмелюсь предположить, что их у вас будет немало. Итак, ваша супруга, Самарина Ольга Алексеевна, пропала двадцать девятого августа две тысячи третьего года около десяти часов вечера. Не удивляйтесь, прошу вас, я навел справки. Вплоть до вчерашнего дня об Ольге Алексеевне не было никаких известий, а вчера вас пригласили для ее опознания. Кстати, Антон Петрович, голубчик, похороны, насколько я понимаю, послезавтра?

— Послезавтра, — кивнул Антон и сглотнул слюну. — И я должен...

— Разумеется, — подхватил хозяин, — и, смею надеяться, вы примете мою помощь. Я попрошу Макса сопровождать вас. Формальности, очереди, бюрократические проволочки — Макс в таких проблемах специалист. В решении оных, я имею в виду. Не благодарите, Антон Петрович, прошу вас, давайте лучше пойдем дальше. Между исчезновением вашей супруги и ее кончиной прошло больше двух лет, не так ли? Скажите, где ее обнаружили?

— Вы разве не знаете? — удивился Самарин. — Я думал, вы говорили с Пахомовым.

— Пахомов это, надо полагать, следователь? Нет, не говорил, мои источники несколько иного свойства. Засим — где?

— В Магадане. Ее обнаружили в каком-то садике или сквере в Магадане.

— Когда? — Муравьев, меряющий шагами комнату, остановился и посмотрел на Антона в упор. — Когда это произошло?

— Четыре дня назад. Нет, с сегодняшним уже пять.

— Проклятье, сколько времени упущено, — выругался Николай Иванович в сердцах. —

Макс, будь любезен, свяжись с Сильвестрычем и Косарем — вели решить между собой, кому из них лететь. И поторопи их, пускай решают не мешкая. Видите, Антон Петрович, — переключился граф на Самарина, — мы вашим делом занимаемся, можно сказать, вплотную. Да... Засим продолжим. Следствие, разумеется, зашло в тупик. Будь это не так, мы бы с вами здесь сейчас не сидели. И дело, конечно, закроют да и спишут в архив. Скажите, Антон Петрович...

— Можно просто Антон, — прервал хозяина Самарин.

— Прекрасно, благодарю вас. Скажите, Антон, за время следствия не случились ли некие события, о которых вы считаете уместным упомянуть?

— Да вроде нет. Хотя — да, конечно. Правда, не знаю, стоит ли упоминать или нет. Понимаете, через неделю или чуть позже в подвале, в куче керамзита, нашли тело одной бомжихи. Мне продолжать, это вам интересно?

— Разумеется, продолжайте. Это, Антон, не просто интересно, в этой бомжихе, осмелюсь предположить, самая суть и есть.

Антон рассказал историю о браслете, найденном на теле покойной Тамары Пеговой.

— По словам следователя, эта Пегова тоже пропавшая без вести. Из Томска, кажется, пропавшая. Или из Омска.

— Понятно, — Муравьев, нахмурившись, покивал. — Это все, разумеется, именно то, что я и предполагал. Ну-с, Антон, настало время сказать вам одну вещь. И от того, как вы сообразовываете ее воспринять, будет зависеть, как сложатся дальнейшие наши с вами дела.

— Слушаю вас, — Самарин подобрался и посмотрел графу в глаза. — Говорите, прошу вас. Что бы это ни было, говорите.

— Хорошо, — Муравьев отодвинул от стены кресло, опустился в него и наклонился вперед. — Я сейчас скажу вам, Антон, кто убил вашу жену.

— Что? — поперхнулся Самарин. — Как это убил? Ее не убивали. По результатам вскрытия — естественная смерть. Инфаркт и сердечная недостаточность.

— Тем не менее ее убили, — вздохнул Муравьев. — Но не пять дней назад, никак не пять. Ваша супруга погибла, едва вышла тогда из квартиры. А что до убийцы — убийцу вы видели, Антон. Это, рискну утверждать — та самая пожилая дама по фамилии Пегова, внешне похожая на бомжиху.

— Что за ерунда... Вы простите, Николай Иванович, но ведь и в самом деле ерунда. Если Олю убили два года назад, а нашли — не прошло и пяти дней, в Магадане... Постойте, вы хотите сказать, что в Магадане нашли не Ольгу?

— Ольгу, без сомнений Ольгу, — устало вздохнул Муравьев. — Скажите, у вас еще не возникло мысли, что я — не вполне умственно здоров? Да не смущайтесь вы так, прошу вас. Странно было бы, если б не возникла у вас подобная мысль. Так вот, смею заверить, я в здравом уме и при памяти. И все вам сейчас растолкую, но лишь при условии, что вы дадите мне слово дослушать до конца. До самого конца, каким бы странным вам ни показалось то, о чем я намерен сказать. Начнем, пожалуй, издалека, — Муравьев, заложив руки за спину, неспешно расхаживал вдоль стены. — Я нарисую вам схему. Нет-нет, не на бумаге, я склонен полагать, что словесной картины будет достаточно. Засим приступим. Я поставлю логическую задачу, а вы попробуете ее решить. Представьте: из некоего города А при обстоятельствах самых загадочных исчезает госпожа Иванова. После чего тело помянутой Ивановой обнаруживают в некоем городе Б. Между этими двумя несомненно прискорбными событиями лежит довольно длительный промежуток времени, допустим, в несколько лет. Да

и города А и Б находятся на приличном расстоянии друг от друга. Само по себе дело уже достаточно странное, вы согласны? Теперь перед нами вопрос: чем госпожа Иванова занималась все это время. А также где находилась и почему, собственно, изволила пуститься в бег. Вы следите за моей мыслью?

— Да, — кивнул Антон, — продолжайте, пожалуйста.

— Извольте. Теперь, с вашего позволения, допустим, что одновременно с кончиной госпожи Ивановой из города Б исчезает другая дама. Назовем ее, пожалуй, Петровой. Помимо того, допустим, что обеих дам незадолго до смерти госпожи Ивановой видели вместе. Или попросту скажем, что факт их знакомства каким-либо образом установлен, и установлен он непреложно. Позвольте осведомиться, какой вывод вы бы отсюда сделали?

— Вы подводите меня к тому, что произошло убийство? — спросил Антон. — Вторая женщина по вашей схеме должна оказаться убийцей первой, так?

— На первый взгляд вы правы, — согласился граф, — но исключительно на первый. Двинемся, с вашего позволения, дальше. Добавим тот факт, что согласно заключению судебных медиков госпожу Иванову не убивали — она умерла естественной смертью. От сердечно-сосудистой недостаточности, приведшей, к примеру, к инфаркту. Или, скажем, к инсульту. Не суть важно — главное, что по официальной версии в смерти госпожи Ивановой состава преступления не обнаружено. Пойдем дальше. Спустя некоторое время тело госпожи Петровой находят в городе В. В смерти ныне покойной Петровой, как и в смерти ее предшественницы, состава преступления опять-таки нет. Более того: одновременно из города В пропадает третья дама — давайте эту назовем Сидоровой. Пропадает при столь же загадочных обстоятельствах, кои сопутствовали исчезновениям двух предыдущих. Ну и в довершение всего отметим, что незадолго до смерти госпожу Петрову и госпожу Сидорову некие свидетели видели вместе. Что вы на это скажете?

— Ничего. Боюсь, я немного запутался. Получается двойное убийство, так?

— Нет, не так, или, скорее, не совсем так. Знакомо ли вам, Антон, такое понятие, как экстраполяция?

— Да вроде помню, в институте учили. Кажется, это что-то наподобие попытки продолжить закономерное действие в будущее. Или в прошлое, вот тут точно не помню.

— Приятно иметь дело с человеком интеллигентным. Позвольте лишь немного вас поправить. Либо в прошлое, либо в будущее, а возможно — и в обе стороны, в зависимости от сопутствующих обстоятельств. За исключением сей детали определение вы дали почти идеальное.

— Похоже, мне сделали комплимент, — Антон улыбнулся. Он вдруг почувствовал, что между ним и графом протянулась некая нить взаимной приязни. — Так что насчет экстраполяции, Николай Иванович?

Муравьев подошел к окну и открыл форточку.

— Желаете курить, Антон? — спросил он. — Закуривайте, сделайте милость. Вот, прошу вас, пепельница. Засим насчет экстраполяции. Давайте мы с вами попытаемся ее применить. На минуту допустим, что цепочка исчезновений вместе с сопутствующими им смертями простирается далеко в прошлое. Другими словами, предположим, что смерть госпожи Ивановой и исчезновение госпожи Петровой — не начало цепочки, а лишь одно ее звено, промежуточное. Что тогда?

— Не знаю, — Самарин закурил и выпустил дым к потолку. — Кровная месть, может быть? Вендетта? Но при чем здесь?.. Извините, Николай Иванович. То, к чему вы ведете,

очевидно, но уверяю вас, Оля не была частью этой цепи преступлений. Могу поклясться, что не была. Она никого не убивала.

— Разумеется, не была, Антон. Ольга Алексеевна действительно никого не убивала. Убили ее, как я вам уже говорил. На этом мы с вами подошли к решающему моменту. Скажите, как бы вы объяснили все эти происшествия? Покурите, подумайте, я вас ни в коей мере не тороплю.

— Я не знаю, — после минутной паузы сдался Антон. — У меня в голове не укладывается. Прошу вас, объясните мне.

— Из тех, кому я задавал сей вопрос, на него не сумел ответить никто, — сказал Муравьев строго. — Что ж, я скажу вам. Только знаете: приготовьтесь... А впрочем, не важно, к такому не подготовишься. Видите ли, все встает на свои места, если в приведенной схеме предположить, что и Иванова, и Петрова, и Сидорова, и ваша Оля, и все многочисленные пропажи и жертвы в бесконечной цепочке — попросту одно лицо.

— Что? — опешил Антон. — Как это одно? Простите, Николай Иванович, я вообще перестал вас понимать. Чепуха какая-то. Вы меня извините, но это же полная ерунда.

— Не ерунда, — твердо сказал Николай Иванович. — Не ерунда и не чепуха. В том случае, если сделать еще одно предположение. А именно предположить, что оное «одно лицо» — лицо не человеческое.

Глава вторая

Солнце уже давно начало клониться к закату, но тень от храма Атена все никак не могла доползти до камня во дворе, на котором сидел младший храмовый писец Накти. В очередной раз посмотрев на светило, Накти вздохнул и перевел взгляд на Юти. Пятнадцатилетний юноша совершал неторопливый обход двора, время от времени останавливаясь рядом с кем-либо из учеников. Почувствовав на себе взгляд, Юти поднял голову. Накти одобряюще кивнул. Он не ошибся, когда две луны назад, перед самым началом ахета, сезона дождей, взял юношу в помощники. Еще немного — и Юти сможет вести занятия сам. Он знает, кто из учеников легко справляется с любым заданием, кто нуждается в помощи, а кому и помощь бесполезна. А ведь умение учить — не частый дар. Юти был не первым на памяти Накти, кто быстро и легко запомнил все до одного иероглифы и понял, когда подобает добавить к сложному иероглифу одиночные буквы, а когда можно обойтись без них. За долгие годы, что писец провел в Ипет-Исуте, обучая детей в храмовой школе, ему довелось повстречать немало талантливых юношей. Однако далеко не каждый из тех, кто умело владел кисточкой, был способен учить других. Тем более возиться с юнцами, думающими не о том, как правильно обозначить имя бога Хора, а о том, как хорошо было бы сейчас удить рыбу в канале. Юти не по годам терпелив, но не боится взяться и за гибкую тростниковую розгу, если видит в ней нужду. А ведь зачастую нет ничего лучше хорошей порки, если надобно направить мысли нерадивого ученика на занятия!

Накти бросил еще один взгляд на тень, упорно не желавшую двигаться с места, и раздраженно вздохнул. Почему-то именно сегодня время тянется особенно медленно.

Негромкое покашливание заставило учителя слегка повернуть голову вправо. У невысокой каменной колонны, одной из двух, обрамляющих вход во двор, стоял человек, которого Накти совсем не ожидал увидеть, — не только сегодня, но и вообще в этой жизни.

— Приветствую тебя, младший писец Накти. Позволишь ли мне войти? — церемонно произнес гость.

Накти молча распрямил ноги и опустил их вниз, затем плавно, несмотря на годы, соскользнул со своего любимого камня на потрескавшуюся от жаркого летнего солнца землю.

— Позволь мне самому подойти к тебе, гость, — проговорил он, намеренно избегая называть человека по имени, — а то эти лентяи рады любому предлогу оторваться от учебы и поглазеть по сторонам.

«Лентяи» немедленно опустили головы, возвращаясь к своим черепкам и кистям. Накти пересек двор, приблизился к гостю и негромко, чтобы не услышали чужие уши, произнес:

— Приветствую тебя, Рахотеп. Признаюсь, не думал уже встретить тебя среди живых.

— Боги были милостивы ко мне.

При слове «боги» Накти слегка поморщился, но смолчал. Он не знал, что привело к нему Рахотепа, в прошлом — одного из могущественных жрецов Амона. Уже больше двух лет минуло с тех пор, как великий фараон отказался от имени своего отца, пожелав называться Ахенатеном, что означает «полезный Атену». Даже здесь, в Ипет-Исуте, священнейшем месте Кемета, уже поднялись три храма Атену, в то время как обиталища прочих богов медленно приходили в запустение. Тот, кто начинал беседу с упоминания об этих прочих, вряд ли зашел поговорить всего лишь о нынешнем половодье.

Рахотеп тоже молчал, видимо ожидая, что же скажет в ответ Накти. Но младший писец уже давно перешагнул благословенный сорокалетний возраст, и годы научили его терпению. Уж если жрец пришел к нему, скромному храмовому писцу и детскому учителю, то пусть говорит первым.

— Я думал, ты будешь рад увидеть старого приятеля, — сказал наконец Рахотеп.

— Разве я говорю, что не рад тебе? — удивился Накти. — Я рад, что тот, с кем я когда-то вместе портил черепки в этом дворике, — писец чуть откинул голову назад, хотя и так было ясно, о каком дворике идет речь, — все еще жив, несмотря на слухи. Я надеюсь, твои, — он выделил голосом это слово, — боги будут милостивы к тебе и дальше. И еще я надеюсь, что другие слухи тоже были ложью.

— Какие же? — невозмутимо уточнил гость.

— Слухи о том, что бывший жрец Рахотеп бежал от гнева слуг фараона, воле которого он посмел противиться.

— А если окажется, что эти слухи были правдивы? — медленно произнес Рахотеп.

Накти задумался.

— Моя жена умерла год назад, — проговорил он наконец, — и я уже слишком стар, чтобы брать себе другую. Дети все выросли и покинули мой дом. Если я навлеку на себя гнев фараона, принимая старого друга, гнев этот падет лишь на меня одного. Впрочем, мне кажется, что преступник, скрывающийся от закона, не пришел бы среди бела дня в храмовую школу, где его может узнать едва ли не каждый ученик.

Рахотеп громко рассмеялся, обнажив белые зубы.

— Ты прав, старый лис, — сказал он. — Два года назад я оказался умнее многих и бежал до того, как гнев фараона обрушился на жрецов, а не после.

— Рад это слышать, — все так же спокойно ответил Накти.

Он обернулся, убедился, что длинная тень храма наконец-то коснулась большого камня, и сказал беззлобно:

— Можете убираться, вы, сборище лентяев и дармоедов!

Дети не заставили просить себя дважды. Последним двор покинул Юти. Взгляд Рахотепа задержался на помощнике Накти, когда тот проходил мимо.

— Этот юноша очень похож на Рамоса, старшего писца в моем храме. Бывшем моем, — поправился Рахотеп нарочито безразличным голосом.

— Это его старший сын. Сам Рамос уже несколько лет как оставил работу из-за болезни.

— Я помню. Он слег незадолго до моего отъезда. Мне говорили, что и сын его тоже был болен, разве нет?

Накти вздохнул.

— Хворь, смертельная для старика, — пустяк для молодого. Рамос до сих пор не выходит из дому, а жена его и вовсе не перенесла болезни. Дети же здоровы, хотя им и приходится несладко. Но почему бы нам не продолжить разговор в моем доме?

Немолодая, как и сам Накти, рабыня принесла лепешки, финики и куски козьего сыра. Добавила кувшин с водой, за ним другой со старым пивом и, повинувшись жесту хозяина, оставила мужчин одних.

— Ты говорил о болезни, поразившей семью Рамоса, — начал жрец, когда первый голод был утолен.

Накти кивнул.

— Это было чуть больше двух лет назад, в тот год, когда сын бога покинул нас, решив построить собственный город на юге. Однажды вечером к Рамосу приехал его брат, которого тот давно уже считал умершим. Счастье Рамоса было беспредельно. Но не прошло и трех дней, как радость сменилась горем, ибо вновь обретенный брат заболел и слег. Никогда прежде я не слыхал о такой странной болезни: человек никого не узнавал, даже родного брата, не отзывался на собственное имя, не принимал ни еды, ни воды... Несчастный умер на следующий же день, но, увы... Болезнь успела перекинуться на домочадцев. Вначале сам старший писец, как прежде его брат, перестал есть, пить и узнавать родных. Затем заболела его жена, которая вскоре и умерла. Мы думали, что Рамос последует за ней, но ошиблись — через неделю он поднялся с постели и начал ухаживать за детьми, которые к тому времени тоже заболели. Должен сказать, — продолжил Накти, прервавшийся, чтобы глотнуть воды, — старик проявил завидное мужество. Он не позволял никому из своих домочадцев покидать дом, даже не отправлял рабов на рынок за едой, опасаясь передать болезнь другим и тем погубить весь город.

— Как долго оставалась болезнь в доме Рамоса? — спросил Рахотеп. Он сидел, подавшись вперед и не отрывая от писца живо заинтересованных глаз.

— Не более десяти дней. Из родных он потерял только жену, но лишился многих рабов, включая всех, кто прибыл с его братом.

— Брат Рамоса привез с собой рабов?

— Да, пятерых или шестерых.

— Он был богат?

Накти пожал плечами.

— Кто знает, — сказал он. — Рамос мало о нем рассказывал, а долгое время вообще считал погибшим. Так или иначе, не похоже, что старший писец получил большое наследство.

— И что же, — продолжил расспросы жрец, — Рамос оставил место старшего писца при храме?

— Увы! Память, утраченная во время болезни, возвратилась к нему не полностью. Он по-прежнему может читать, писать и считать не хуже любого из нас, но не в состоянии припомнить почти ничего из неоконченных дел, которые ему приходилось вести перед болезнью. Даже прочитав прежние свои записи, он сидел иногда часами, силясь восстановить в памяти людей и события. Некоторых бывших знакомцев он не может узнать до сих пор. А ведь быть старшим писцом, как ты знаешь, — это не просто читать, писать и считать. Это еще и помнить. Много, очень много.

Рахотеп кивнул.

— Продолжай, пожалуйста, — попросил он.

— Теперь Рамос почти не выходит из дома, — с грустью сказал младший писец, — его место занял другой, а сам он кое-как зарабатывает на жизнь, составляя брачные договоры небогатым горожанам. Конечно, на эти заработки трудно содержать семью так, как подобает человеку его положения. За то время, что болезнь оставалась в доме, Рамосу пришлось потратить большую часть своих сбережений. А потом, после смерти жены, и продать часть выживших рабов, чтобы похоронить ее как подобает. Некоторое время спустя, впрочем, он купил новых рабов, совсем юных и неопытных, а потому дешевых.

— Да, конечно, — задумчиво пробормотал Рахотеп. — Новых дешевых рабов.

Разумеется. А что, ты говорил, случилось с детьми Рамоса?

— Они с женой были благословлены восемью детьми, но лишь троих боги пощадили, позволив им жить дольше года. Старшая дочь умерла давно, так и не достигнув брачного возраста, так что теперь Рамос живет с двумя сыновьями. Ты видел старшего, Юти, которому недавно исполнилось пятнадцать, его брату Сенби уже двенадцать, но семья даже не может позволить себе заплатить за учение для младшего мальчика. Рамос, должно быть, учит его сам. Это одна из причин, по которой я взял молодого Юти себе в помощники. Болезнь не пощадила и его, но юноше хотя бы не приходится беспокоиться о том, чтобы помнить прежних заказчиков. В этом благо юности — она не имеет прошлого!

Оба собеседника одновременно вздохнули. Это благо относилось к числу прочих, давно ими утраченных.

— И что, — спросил Рахотеп, потянувшись за очередным фиником, — этот Юти на что-то годится?

— Скажу тебе правду, жрец, — он один из способнейших учеников, каких мне случалось видеть. Стоит показать ему что-то лишь однажды, и он запоминает сразу же и навсегда! Несколько раз, — усмехнулся Накти, — мне даже казалось, что он знает вещи, которые я ему не показывал. Должно быть, не раз видел, как работает отец. Но даже если так, его усердие похвально.

— Весьма похвально, — подтвердил жрец. — И что же, Юти с раннего детства показывал столь выдающиеся способности?

— Я не помню его детства, — признался Накти, — кажется, в то время его обучал кто-то из других писцов. Он пришел ко мне уже после болезни.

За разговором не заметили, как стемнело. Старая рабыня вновь вошла в комнату, неся небольшой масляный светильник, который поставила на стол между гостями. Затем рабыня поклонилась, собираясь уходить, но Накти остановил ее.

— Принеси-ка нам доску для сенета. Ты ведь сыграешь со мной? — обернулся он к Рахотепу. — У меня давно не было достойного партнера.

Жрец улыбнулся.

— Сыграю, хотя, боюсь, я тебя разочарую. За последние годы я совсем не играл. У меня тоже не было достойных партнеров, а точнее, не было никаких.

Рабыня вернулась и положила на стол тонкую доску из полированного гранита, а поверх нее — небольшую тростниковую коробочку с пятью белыми и пятью темно-серыми камнями. Рахотеп всмотрелся в игральную доску. Даже при неверном свете масляного фитиля он сумел оценить тонкую работу неизвестного резчика по камню. Каждая из тридцати клеток была чуть-чуть, почти незаметно, углублена к середине — как раз достаточно для того, чтобы камни не скатывались с доски. Линии были проведены ровно, иероглифы на особых клетках в последнем, третьем, ряду высечены искусно и со знанием дела. Поле окружал узор из пальмовых листьев.

Накти расставил на доске камни и протянул гостю шесть коротких палочек:

— Начинай.

Рахотеп кивнул, бросая палочки. Из шести четыре указали вверх. Бывший жрец молча передвинул белый камень на три клетки влево и на клетку вперед.

— Ведь я предупреждал тебя, — покачал головой Рахотеп, когда Накти без особого труда выиграл в третий раз подряд. — Разве меня можно назвать достойным партнером такому игроку, как ты? Давай лучше поговорим. Расскажи, чем ты занимался последние два года?

Неужели только учил мальчишек грамоте?

— Не только, — улыбнулся Накти, — несколько раз мне приходилось учить и девочек.

Рахотеп слегка усмехнулся, давая понять, что оценил шутку, и сказал медленно, словно припоминая:

— Помнится, когда-то ты любил в свободное время беседовать со стариками, расспрашивая их о прошлых днях... Ты даже тратил драгоценный папирус на то, чтобы записывать их рассказы.

Накти кивнул.

— Было время...

— А теперь?

— Теперь? Рахотеп, теперь я сам старик, кого же мне расспрашивать?

На этот раз жрец улыбаться шутке не стал.

— Скажи, Накти, — неторопливо произнес он, словно мысль только что пришла ему в голову, — сохранились ли у тебя те свитки?

— Быть может, и сохранились. Какая разница? Если даже имена богов на камне сегодня велят сбивать и заменять новыми, кому какое дело до рассказней невежественных стариков?

— Так уж и никому, — прикрыл веками выдавшие вдруг нетерпение глаза жрец. — Сегодня такая ночь, что я был бы рад послушать старые сказки.

— А я предпочел бы поиграть в сенет, — упрямо возразил Накти.

— Со мной? Я думал, ты уже разочаровался.

— Ну что ты. Мне кажется, ты лишь поддаешься мне, хотя и неясно, по какой причине. Ведь когда-то ты был, помнится, одним из лучших игроков и в сенет, и в «собак и шакалов»...

— Время не щадит никого из нас.

— Это верно. И все же давай попробуем сыграть еще раз.

— Ты знаешь, — сказал Рахотеп, не прикасаясь к камешкам для игры, — теперь, думаю, я могу открыть тебе небольшой секрет. Ты помнишь, как когда-то читал нам вслух сказки, привезенные тобой из верховьев Нила?

Накти подобрался. Он кожей чувствовал, что вскоре последует нечто важное.

— Припоминая, — нарочито небрежно ответил младший писец. — Я побывал в верховьях, сопровождая сборщика налогов в сезон шему. Люди в тех краях рассказывали поистине странные, ни на что не похожие сказки. Я также помню, что они понравились тебе. Ты даже просил у меня тот свиток папируса, чтобы почитать на досуге.

— Теперь, пожалуй, я могу открыть тебе, что сделал это по велению одного из старших жрецов.

Писец удивленно посмотрел на Рахотепа.

— Старших жрецов? Но зачем?

— Мне было велено снять копию с папируса.

— Тебе? Не одному из писцов при храме?

— Мне лично. Должно быть, что-то в нем показалось старшим жрецам достойным внимания богов. Тогда, помнится, я несколько раз перечитал каждую историю, но не заметил ничего особенного. То есть, — поправился Рахотеп, — твое искусство выше всяких похвал, как обычно. Но сами истории... Ты знаешь, теперь, когда я вспомнил про них, мне захотелось освежить их в памяти. Не сделаешь ли ты одолжение гостю, позволив ему еще раз насладиться знаками, что твои руки нанесли на папирус?

Накти чуть сдвинул брови.

— Право, Рахотеп, я был бы рад доставить тебе удовольствие, но я и сам не знаю, куда положил этот свиток. Боюсь, я давно не брал его в руки.

— И я никак не смогу убедить тебя поискать? — Голос Рахотепа стал вкрадчивым и осторожным.

Накти весело засмеялся, словно не замечая перемены в его тоне.

— Ну разве что выиграешь у меня в сенет. Тогда мне придется, чтобы скрыть смущение, удалиться из комнаты, а заодно и поискать тот свиток, о котором ты так просишь.

— Ты смеешься надо мной... Что же, я это заслужил своей настойчивостью.

— Так что, сыграем?

Проиграв, Накти вздохнул, неожиданно широко улыбнулся и крикнул в глубину дома:

— Эй, Тию!

Когда рабыня вошла в комнату и остановилась у порога, он произнес:

— Ступай в комнату, где я принимаю заказчиков. Мне нужно, чтобы ты принесла сюда один свиток, — Накти принялся подробно рассказывать, как выглядит свиток и где именно в комнате его можно найти.

Когда рабыня вышла, Рахотеп, чуть приподняв левую бровь, спросил:

— Ты знаешь так точно, где он лежит?

— Разумеется. Я знаю, где лежит любой из моих свитков. Я слишком ценю каждый из них, чтобы забыть.

— Но тогда почему?..

— Я всего лишь хотел посмотреть, — усмехнулся писец, — насколько сильно ты на самом деле играешь. Ну и, разумеется, понять, зачем ты все-таки пришел в мой дом.

Рахотеп промолчал.

Когда Тию вернулась, Накти принял от нее свиток, будто не замечая протянутой руки гостя.

— Что именно ты хочешь услышать, Рахотеп? — спросил младший писец.

— Я и сам не знаю.

— Я записал много историй той зимой. Почему бы тебе не сказать прямо, что ты ищешь? — мягко предложил Накти. — Быть может, я помог бы тебе.

Рахотеп покачал головой.

— Прости, что я не был откровенен с самого начала. Поверь, тому были причины. Но теперь я говорю истину: я и сам не знаю, что именно ищу в твоих сказках. Мне лишь кажется почему-то, что тогда, переписывая, я видел нечто важное. Нечто, чему тогда не придал значения и что теперь мучает меня, словно неясная тень, увиденная краем глаза.

«Важное для чего?» — подумал Накти, но промолчал, чувствуя, что не получит ответа. У него мелькнула, разумеется, мысль и вовсе не показывать скрытному гостю то, за чем тот явился, но писца уже одолело любопытство. В конце концов, у него осталось совсем немного развлечений. Он подвинул светильник поближе, развернул свиток и принялся за чтение:

— «Я, Накти, записал эти слова, услышанные от других, в тридцать пятый год царствования великого фараона Аменхотепа.

Жил неподалеку от Свенета один крестьянин. Однажды вечером возле реки на него напал демон, убил крестьянина и завладел его телом. Под видом крестьянина демон пришел к нему в дом. Женщина, бывшая крестьянину женой, дала ему еды и легла с ним, думая, что рядом с ней ее муж. И демон стал жить в этом доме и ходить каждый день в поле вместо

крестьянина. Затем жена его зачала и в сезон ахет следующего года родила девочку, и было у девочки тело белое, как мякоть рыбы Ибду, и такие же белые глаза и волосы. И тогда люди испугались и убили демона, и его жену, и ребенка».

Накти откашлялся.

— Помнится, — сказал он, — мне не раз рассказывали похожие истории. Возможно даже, то была та же самая история, но перетолкованная по-иному. Я нередко замечал, как меняются сказки даже о самых обыкновенных событиях, стоит им пройти через множество рассказчиков. Но продолжим.

«Когда-то молодая женщина из Васета по имени Бунефер полюбила каменотеса, что жил в Свенете. Она оставила своих родных и стала жить с ним в его доме. Однажды Бунефер пошла набрать воды в канале, упала в воду и утонула. Вода унесла ее тело далеко, и муж не смог найти его и похоронить, как подобает. Вскоре он снова женился, его вторую жену звали Дедет. Однажды, когда Дедет пошла за водой к тому же каналу, к ней явился Ка умершей Бунефер. Дедет испугалась и убежала, бросив ведро. Когда каменотес пришел домой, жена все ему рассказала. Каменотес испугался и велел Дедет больше не ходить в это место. Жена послушалась и стала брать воду в другом канале, но Ка умершей и там явился к ней и последовал за ней домой. Дедет стала кричать и плакать, и тогда Ка умершей убил ее и завладел ее телом. А муж ничего не узнал и продолжал с ней жить как с женой.

Однажды Бунефер в теле новой жены пошла к каналу и позвала других духов, тела которых не были похоронены. И один из них вышел из воды и последовал за ней. Он убил каменотеса и завладел его телом, и они стали жить вместе в его доме. Случилось так, что мать каменотеса пришла к ним в гости, но дух не узнал ее и спросил: «Кто ты?» И женщина сказала: «Я мать твоя, разве ты меня не узнал?» И она подумала, что ее сын болен, и просила его пойти к жрецу в храме Амона, чтобы отогнать демонов. И тогда оба духа испугались и ушли оттуда в спешке, и больше их никогда не видели. А дом их достался брату каменотеса». Я помню этого брата, — сказал Накти. — Мне казалось, что он был не слишком опечален. Не будь он сущим глупцом, я бы даже сказал, что он выдумал эту историю, а тела его брата с женой давно унесла река. Ты еще не нашел то, что искал?

— Не нашел, но я этому даже рад, — задумчиво ответил Рахотеп. — Теперь я вижу в этих историях смысл, прежде скрытый от меня. Продолжай, прошу, если ты не очень устал.

Накти вернулся к чтению, решив повременить с вопросами.

Ни история неверной жены, съеденной огромным крокодилом, ни повествование о волшебнике, раздвинувшем воды озера для того, чтобы найти бирюзовые серьги любимой жены, не заинтересовали Рахотепа. Он слегка оживился, когда речь пошла о демоне, наславшем болезнь на погонщика скота и тем разорившим все селение, и даже попросил Накти еще раз перечисть признаки болезни, после чего надолго задумался. Следующая история повествовала о любви между сыном земледельца и неким загадочным существом с болота, способным превращаться в бегемотицу. Рахотепа этот рассказ откровенно насмешил:

— Уж не считают ли они, что богиня-бегемотица Таверет сама снисходит до грязных поселян?

Накти пожал плечами.

— Я слышал множество подобных историй. Четырнадцатилетнему мальчишке любая женщина, позволившая прикоснуться к себе, кажется богиней. А тем более — ночью, когда привычное кажется странным.

Рахотеп, смеясь, согласился. Накти вернулся к папирусу.

— А вот эта история уже менее обычна, чем прежние, — сказал он. — Я услышал ее не от крестьянина или служанки, как большинство других, а от младшего жреца одного из местных храмов. Не помню уже, какому божеству тот служил.

«У одного крестьянина была очень красивая дочь. Однажды к ней пришел сын стеклодува и сказал ей: «Будь моей женой!» — и девушка сказала ему, что согласна. И он обещал, что построит свой дом, и она войдет в его дом как жена.

Случилось так, что демон увидел девушку и пожелал ее. Он пришел к девушке и сказал ей: «Войди в мой дом». Но девушка ответила: «Я не хочу тебя, уходи. Когда вновь разольется Нил, я уже буду женой сына стеклодува».

Когда сын стеклодува построил новый дом, демон пришел к нему и убил его. И завладел его телом. И он пришел к девушке и сказал ей: «Я уже построил дом для тебя, приходи». Но девушка испугалась и побежала к жрецу и сказала: «Демон вселился в сына стеклодува». И жрец спросил: «Почему ты так говоришь?» А девушка ответила: «Он стал другим, он не помнит отца моего и мать мою, он не ест тех фруктов, которые раньше любил, и он ест запретную рыбу и не знает, что она запретна». Тогда жрец задумался, а потом пошел в дальнюю комнату, достал там тайный свиток и читал из того свитка. И в этом свитке он нашел тайное имя демона и открыл его девушке, и девушка пошла домой. Когда к ней опять пришел демон в теле сына стеклодува, девушка назвала его настоящим именем и сказала: «Уходи!» И демон ушел, потому что его называли настоящим именем. А девушка взяла тело сына стеклодува и отнесла к его родителям, и они похоронили его, как подобает».

Накти замолчал, но продолжал сидеть, не поднимая глаз от папируса. Рахотеп и сам надолго погрузился в задумчивость, а когда пришел в себя, обнаружил, что писец внимательно наблюдает за ним. Рахотепу стало не по себе, он улыбнулся, чтобы сгладить неловкость.

— Ты устал, Накти? Быть может, ты позволишь мне самому прочитать остальное? Обещаю, что буду осторожен.

— Спасибо, я вовсе не устал. Ты хочешь продолжать?

— Прошу тебя.

Накти продолжал читать, иногда останавливаясь, чтобы пояснить детали. Вскоре свиток закончился.

— Благодарю, — слегка поклонился Рахотеп. — Ты воистину доставил мне удовольствие.

— Не стоит благодарности. Я и сам с радостью вспомнил былые дни. Как я расспрашивал крестьян по вечерам. Как покупал старые, покрытые чужими письменами свитки папируса и сам отмывал краску в теплой воде. Как просиживал вечера, нанося на папирус иероглифы и стараясь ничего не упустить из рассказа и, наоборот, не написать лишнего.

— Лишнего? Чего именно лишнего, Накти?

— Ты ведь знаешь не хуже меня: не всякое знание следует доверять папирусу. Писец, обозначая иероглифом скорпиона, никогда не нарисует и не выбьет в камне его ядовитый хвост. И точно так же порой писец боится доверить свитку не менее ядовитые слова.

— Что же ты не доверил ему в тот раз, Накти? — с кажущимся безразличием спросил Рахотеп.

Младший писец негромко рассмеялся.

— Кто знает. Моя память уже не та, какой была когда-то. Все помнить сложно. Но если

мне зададут точный вопрос, я, быть может, и припомню ответ.

— Как же можно задать точный вопрос, если не знаешь, о чем спрашивать?

— Если не знаешь, конечно, нельзя, — согласился Накти. — Так что, видишь ли, жрец, — добавил он уже без улыбки, глядя Рахотепу прямо в глаза, — иногда выбор бывает очень труден. Можно либо узнать ответ, либо продолжать делать вид, что тебя не заботит сам вопрос.

Бывший жрец не выдержал и отвел взгляд. Что ж, Накти прав. Теперь Рахотепу остается лишь признаться, что он недооценил собеседника, и задать вопрос, который может выдать его намерения. Либо он может уехать назад, туда, где в постоянных поисках провел последние два года. Но в этих поисках каждый известный ему путь уже пройден до конца. Отправляясь в Ипет-Исут, Рахотеп надеялся, что свиток Накти поможет ему открыть еще одну дорогу, а в глубине души — и на то, что именно эта, последняя дорога приведет его к цели. Что ж, надежды не были напрасными. Открылся новый путь. Он может попробовать проследовать по нему сам, без помощи Накти. Беда лишь в том, что если Рахотеп прав, то времени у него мало, очень, очень мало. И если откровенность может ускорить поиск... Что ж, в конце концов, рисковать ему случалось не в первый раз.

Рахотеп решил.

— Если бы тебя спросили, — начал он, — об имени демона, которое мудрый жрец назвал красивой девушке, что бы сказала твоя память?

— Она сказала бы, что жрец, поведавший эту историю, не открыл мне имени демона, — ответил Накти и, увидев разочарование на лице Рахотепа, тут же продолжил: — Впрочем, память моя подсказывает, что тогда, в молодости, мне показалось, будто жрец знает гораздо больше, чем говорит. Возможно, он просто побоялся назвать мне имя. Если ты помнишь, в той истории, в отличие от многих других, вообще не было никаких имен.

— Да, — кивнул Рахотеп, — я обратил на это внимание. А не помнишь ли ты, где жил тот мудрый жрец? Я догадываюсь, что ты встретил его где-то в верховьях Нила, но где именно?

— Память моя молчит, — медленно проговорил Накти, — но, быть может, увидев это место, я узнал бы его.

Рахотеп в изумлении уставился на собеседника. Накти снова усмехнулся и продолжил:

— Жизнь порой становится невыносимо скучна, особенно жизнь в Ипет-Исуге в восьмой год правления Ахенатена, сына Аменхотепа Третьего. Мой дом опустел, и детские голоса больше не звучат в его стенах. Путешествие развлекло бы меня. И на корабле у нас было бы достаточно времени, чтобы я мог рассказать тебе о других вещах, не доверенных мной папирусным свиткам. Думаю, среди них найдутся такие, что будут тебе интересны. А у тебя найдется время рассказать мне, почему же они так тебе интересны. Я умею хранить тайны, поверь мне, Рахотеп.

Глава третья

В оставшиеся до похорон два дня Антон не прекращал думать о том, что сказал ему граф Муравьев. Фраза «оное «одно лицо» — лицо не человеческое» упорно не шла из головы. И это несмотря на то, что Самарин вышел из дома Муравьева обозленным и разочарованным. Новый знакомый совершенно не походил на блаженного идиота, начитавшегося желтой прессы. Однако гипотеза Муравьева о сверхъестественном убийце казалась вполне под стать несуразным идеям, с которыми Антон в первые дни после исчезновения Ольги осаждал беднягу Пахомова. Теперь, когда способность здраво рассуждать вернулась, за те домыслы ему было стыдно.

Особенно раздражало то, что Муравьев не считал нужным объяснить, ни каким образом, ни по какой причине совершаются убийства в экстраполированной им в прошлое гипотетической цепочке.

— На этом мы с вами прервемся, Антон, — сказал на прощание граф. — Сделайте милость, подумайте над тем, что сегодня услышали. Среди тех, с кем мне приходилось на сию тему беседовать, были люди, с ходу посчитавшие меня за умалишенного. Мы не осуждаем их, отнюдь, однако и убеждать не собираемся. Попросту они пойдут своим путем, а мы — своим. Да-да, не удивляйтесь, я употребил местоимение «мы» намеренно. Кто мы такие, вы в дальнейшем узнаете, а вот пожелаете ли одним из нас стать... Впрочем, давайте не будем торопить события. У вас впереди несколько нелегких дней, что, если мы встретимся, когда они останутся позади? А пока всего доброго, Макс вас проводит и, если пожелаете, окажет посильную помощь.

Макс оказался на высоте. Место на Южном кладбище без излишних проволочек пробил он. Похороны и поминки организовал тоже он, и он же накануне привел двух шебутных теток, за считанные часы вылизавших и выскобливших квартиру до блеска. Стол был накрыт и заставлен выпивками-закусками стараниями того же Макса. Под конец он представил скрупулезно расписанный счет, оплатить который, к вящему Антонову стыду, взялся тесть.

На похороны собралось довольно много народу. Пришли и бывшие Антоновы, и бывшие Ольгины сослуживцы, пришли оставшиеся после выпуска в Питере однокурсники. К кладбищу вездесущий Макс подогнал автобус, который и перевез в квартиру тех, кто решил остаться на поминки.

Димка с Танечкой сидели за столом по правую от Антона руку. Оба молчали и почти не смотрели на него. Лишь когда Ольгины родители, одев детей, собрались уходить, а Антон выбрался в прихожую проститься, Димка, не глядя на отца, спросил:

— Папа, ты никогда больше не будешь жить с нами?

Антон отступил на шаг и оперся спиной о стену, под сердцем нехорошо ворохнулось. Он не успел ответить, на помощь пришла теща.

— Конечно, папа будет жить с вами, — сказала она и выразительно посмотрела на зятя. — Он устроится на работу, будет зарабатывать много денег и обязательно вас заберет.

Антон кивнул. Он с трудом отвалился от стены и шагнул вперед. Присел, поцеловал Димку и потянулся к Танечке. Та безучастно подставила щеку. Когда за детьми захлопнулась дверь, Самарин, крепившийся весь день, наконец заплакал. Он заперся в ванной, плеснул в лицо холодной водой из-под крана. Затем в порядке опустевшей гостиной уселся за стол и потянулся за водкой. До этого он почти не пил и лишь ополовинил две-три рюмки. Теперь

же, залпом осушив бокал с пепси-колой, набухал в него до краев сорокаградусной.

— Антоша, может, не стоит так много, — тихо сказала Надя Полевая, бывшая однокурсница и свидетельница со стороны Ольги на свадьбе. Она присела на соседний стул. — Знаешь что... Отлей мне, я выпью с тобой.

После окончания института Надя успела дважды неудачно побывать замужем. Работала она в том же банке, из которого Самарина год назад уволили, и с тех пор звонила несколько раз, предлагая помощь. Он неизменно благодарил и отказывался.

Антон нашел пустую рюмку, наполнил ее из своего бокала и молча протянул Наде.

— Антошенька, — Надя рассеянно повертела рюмку в руках, — ты извини меня, я не собираюсь лезть в душу. Но хочу, чтобы ты знал: я расспрашивала о тебе, мне больно за то, что с тобой происходит. Мне кажется... Впрочем, не важно. Давай выпьем.

— Давай, — Антон благодарно кивнул и залпом осушил бокал.

Гости разошлись за полночь. Все, кроме Нади, которая осталась помочь с мытьем посуды.

— Спасибо, Надюша, — сказал Антон, проснувшись с ней наутро в одной постели. — Ты не представляешь, насколько я тебе благодарен. Можешь смеяться, но у меня вот уже два года никого не было.

— Я так и подумала, — ласково и чуть смущенно улыбнулась Надя. — Знаешь, Антоша, ты только не думай, что я осталась с тобой из-за того, что бросаюсь на мужиков.

— Что ты, я вовсе так не думаю, — покраснел Антон, которого эта мысль успела уже посетить.

— Ну и ладно. Завтракать будешь? Там после гостей полный холодильник остался.

— Буду, — ответил Антон, — обязательно буду. И не только завтракать.

Надя ушла около полудня. Антон, проводив ее до метро, вернулся домой и сразу позвонил Николаю Ивановичу.

— Если не возражаете, давайте встретимся послезавтра, — предложил граф. — Возможно, к тому времени у меня будут новости из Магадана. Располагаете ли вы временем послезавтра?

— Да, конечно, — поспешно ответил Антон. — Николай Иванович, прежде всего я хотел поблагодарить вас за помощь. Вас и, разумеется, Максима.

— Не стоит благодарности, — небрежно бросил Муравьев. — Засим послезавтра с утра. Макс заедет за вами к десяти.

Остаток дня Антон провел в раздумьях. Теперь, когда всякая надежда иссякла, вещи стали видеться несколько в ином свете. В первые дни после исчезновения Ольги он, вполне возможно, уцепился бы за любую версию — с отчаяния. Теперь же привычным к порядку умом экономиста Самарин пытался разложить по полкам известные факты, чтобы составить из них цельную картину. Получалось плохо. Рассудок усиленно сопротивлялся гипотезам о сверхъестественном монстре, убивающем женщин одну за другой, неведомо в каких целях. Кроме того, о цепочке убийств Антон знал лишь со слов Муравьева. Фактов же, подтверждающих эти слова, не было. Вопросов оказалось намного больше, чем ответов, да и те ответы, что были, доверия не внушали.

«Надо посоветоваться, — решил наконец Антон. — Мне не хватает взгляда со стороны. Нужен человек, которому бы я доверял, человек нейтральный и опытный. Который выслушает и не станет смеяться».

С минуту Антон перебирал в уме возможные кандидатуры и отметал их одну за другой. Родители жены — люди явно неподходящего склада, к тому же они — лица заинтересованные. Близких друзей у Самарина не было. Знакомых и приятелей было достаточно, но за два года отшельничества он практически ни с кем не общался, так что обращаться с просьбой к людям, которых сам усиленно избегал, было неудобно. Да и не ко всякому можно с таким обратиться без риска прослыть душевнобольным.

Пахомов, понял Антон. Вот кто не просто может, а обязан его выслушать. Дело еще не закрыто, так что его статус потерпевшего не изменился. Кроме того, следователь в курсе всей истории — ему не придется объяснять все сначала. Да и мужик он неглупый и опытный.

Антон разыскал домашний телефон Пахомова, позвонил и договорился о встрече в прокуратуре на завтра.

— Антон Петрович, — Пахомов смотрел на Антона сочувственно, — вы это, надеюсь, не всерьез? Монстры, нелюди, серийные убийства... Я понял бы, будь вы в шоке, в отчаянии, как тогда, в самом начале дела. Но сейчас-то... У меня сложилось впечатление, что вы разумный человек. Мы же не в Средневековье живем, Антон Петрович. Сегодня не годится всерьез рассуждать о вурдалаках и оборотнях. Не говоря уже о том, чтобы загружать подобными версиями следственные органы.

— Постойте, я ведь ничего не утверждал, я посоветоваться пришел, — Антон уже успел раскаяться в том, что явился к следователю. — Вы — человек опытный, через вас не одно дело прошло. Неужели раньше ничего подобного не было? Исчезновений людей, которые остались нераскрытыми и которые нельзя объяснить иначе, чем вмешательством иного, враждебного разума?

— Антон Петрович, — следователь вздохнул, — многие дела так и остаются нераскрытыми. Такова, к сожалению, реальность. А теперь подумайте: как раскрывать преступление, если в нем и состава преступления-то нет? В деле вашей жены, извините, конечно, состав преступления отсутствует. Примите мои соболезнования, Антон Петрович, но Ольга Самарина умерла естественной смертью, что подтверждено документально. Да, мы не знаем, что побудило ее покинуть семью. Не знаем также, где она находилась все то время, что отсутствовала. Но криминала в деле нет. И всякие гипотезы о серийных убийствах, совершенных потусторонними существами, попросту, Антон Петрович, нелепы. Хотите, я вам подобных версий с десятков нафантазирую, с ходу, не вставая из-за стола? Да вы и сами их массу когда-то напридумывали, ничуть не лучше той, что сейчас.

Спорить со следователем было трудно и даже несколько стыдно, но Антон все же решился на продолжение разговора.

— Вы не ответили на мой вопрос, — сказал он упрямо. — Это первый такой случай в вашей практике или нет?

— Не первый и, уверяю вас, не последний. Вы знаете, сколько людей пропадает без вести? А скольких из них никогда не находят, знаете? Или находят спустя долгие годы. Не знаете? Так я вам скажу — огромное количество! Тысячи и тысячи граждан разыскивают своих родных и близких, так-то вот. Жизнь — сложная штука, она, бывает, затейливые коленца выкидывает, Антон Петрович. Уж я навидался, поверьте. И нечистая сила, извините, абсолютно тут ни при чем.

— Ну что ж. Я должен был это предвидеть. Скажите, вы считаете, я не в своем уме? Следователь укоризненно покачал головой.

— Ну зачем же так, Антон Петрович, — мягко пожурил он Антона. — У вас произошло несчастье, я вам искренне сочувствую. К тому же вы переутомились, и немудрено — такая беда. Поверьте, это пройдет. Время зализывает раны, все, кроме смертельных. Позвольте на этом попрощаться с вами — к сожалению, работа в следственных органах почти не оставляет свободного времени.

Вернувшись домой, Антон позвонил Муравьеву.

— Слушаю, — раздался в трубке голос графа.

— Здравствуйте, Николай Иванович, — вежливо произнес Самарин. — Я звоню, чтобы поблагодарить вас за участие. Было крайне приятно познакомиться. И на этом позвольте с вами проститься.

В ответ Муравьев вдруг раскатисто расхохотался. Антон опешил. Он был готов к любой реакции, даже к самой бурной, но только не к смеху.

— Я крайне рад, — наконец сказал граф. — Признаюсь, если бы вы приняли мои слова на веру, я стал бы сомневаться, стоит ли нам с вами продолжать общение. Вы, по всей видимости, обдумали то, что слышали от меня, и, рискну предположить, посоветовались с опытными людьми. А те, кого вы выбрали в советчики, наверняка над вами посмеялись, не так ли?

Самарин почувствовал, что краснеет. В пронизательности графу явно нельзя было отказать.

— Вы правы, — пробормотал Антон виновато, — я действительно посоветовался. И мне сказали...

— Что вам необходимо подлечить нервы, — подхватил граф. — Или что-либо наподобие. Видите ли, в чем дело, Антон... Ваши советчики, кто бы они ни были, не побывали, с позволения сказать, в вашей шкуре. В отличие от меня и некоторых моих друзей. Впрочем, знаете что, подумайте еще, я, разумеется, неволить вас не стану. Но на вашем месте я бы не отказывался от встречи со мной. Хотя бы из любопытства. Тем более что эта встреча ни к чему вас не обяжет, ручаюсь в том честным словом дворянина. Так что поразмышляйте, Антон, обдумайте все и дайте мне знать. Договорились?

Размышлял Антон недолго: граф его убедил, и согласие на встречу он дал тем же вечером.

На следующее утро ровно к десяти Макс подогнал «Мерседес» к подъезду. По дороге большей частью молчали, но, когда автомобиль свернул уже с Сенной на Садовую, Антон решился на разговор.

— Максим, — сказал он, — вы с Николаем Ивановичем приняли во мне такое близкое участие, что мне поистине несколько неудобно. Вы ведь даже толком меня не знаете.

— Граф хорошо разбирается в людях, — бросил Макс, — и великодушен к тем, кому нужна помощь. Возможно, он также видит в вас будущего друга.

— Будущего друга, — задумчиво повторил Антон. — Скажите, Максим, а в каких отношениях с графом находитесь вы?

Водитель помедлил с ответом, и Антон подумал было, что вопрос оказался бестактным. Однако пару секунд спустя Макс хмыкнул, затем коротко хохотнул и сказал:

— Сам до конца не понимаю, в каких. Но в общем и целом — в прекрасных. Я многим обязан графу, и вообще: Николай Иванович — удивительный человек.

— Понятно, — протянул Антон. «Что ничего не понятно», — мысленно добавил он.

Муравьев проводил гостя в давешний кабинет и усадил в то же самое, стоящее у письменного стола, кресло.

— Итак, Антон, — начал он, — поскольку вы согласились на встречу, надо полагать, мои слова не показались вам излишними душевнобольного. Или все же показались, но вы решили разобраться до конца? Говорите, прошу вас, не стесняйтесь. Знали бы вы, сколько раз меня принимали именно за тронувшегося умом. Вот Макс не даст солгать.

Подпирающий стену здоровила Макс утвердительно кивнул.

— Понимаете, — ответил Антон растерянно, — я попросту не знаю, что думать. Вот как на духу, Николай Иванович... Вы приняли во мне участие, помогли мне. И я более чем благодарен вам. Но скажите: зачем? Почему вы заботитесь обо мне, совершенно чужом вам человеку?

— Ответ на этот вопрос вы, несомненно, получите, но, с вашего позволения, чуть позже. Сначала, если не возражаете, я поделюсь кое-какой информацией. Вчера коллега Косарь вернулся из Магадана. Ах да, разговор про поездку туда был при вас. Так вот, городской прокуратурой Магадана возбуждено уголовное дело по исчезновению некой Анжелы Заяц. Косарь — человек весьма дотошный, за короткое время он успел узнать многое. — Муравьев, до сих пор расхаживавший по кабинету, остановился и пристально посмотрел Антону в глаза. — Вам интересно? Желаете, чтобы я продолжил?

— Да-да, конечно, — пробормотал Самарин. — Продолжайте, пожалуйста.

— Пропавшей госпоже Заяц сравнялось тридцать четыре года. Она, по некоторым данным, совладелица некоего бизнеса. Бизнес сей теневой и занимается, как было несложно выяснить, золотом — левым золотом, в приисковых ведомостях неучтенным. Засим... Анжела Заяц пропала неделю назад, и главным свидетелем по делу проходит ее телохранитель по прозвищу Кабан. Так вот этот самый Кабан изволил утверждать, что на коттедж, в котором проживала его патронесса, было совершено бандитское нападение. Причем непосредственно перед нападением господина Кабана выманили из дома наружу. По его словам, к коттеджу явилась неопрятная старуха-нищенка и принялась христарадничать. Кабан велел ей прекратить шум и убираться вон, но та и не подумала, а, напротив, начала сквернословить и извергать проклятия. Тогда телохранитель вышел из коттеджа наружу, вознамерившись лично прогнать попрошайку, но ему тут же нанесли оглушительный удар сзади, в затылок. Пока господин Кабан пребывал без сознания, нападающие проникли в дом. В результате хозяйка исчезла, а вместе с ней внушительная сумма в наличных деньгах. Внутри все, с позволения сказать, вверх дном, коттедж явно тщательно обыскивали. Это, как вы понимаете, официальная версия.

— Есть и неофициальная? — механически спросил Антон.

— Разумеется. Косарь побеседовал с господином Кабаном приватно. В ресторане, под водочку, как в таких делах и подобает. И, хотя от своих слов Кабан не отказывался, пару раз ему случилось оговориться. С учетом оговорок очень похоже на то, что бандитов никаких вовсе и не было, а была одна лишь старуха-христарадница. Коя и приложила телохранителя по затылку, в чем признаться он, разумеется, не пожелал. Ну и напоследок позвольте огласить то, о чем вы наверняка уже догадались. Коттедж, в коем проживала покойная госпожа Заяц, — на слове «покойная» граф сделал ударение, — окнами выходит на сквер. Именно тот, где на следующее после нападения утро обнаружили тело Ольги Самариной.

Антон утер носовым платком внезапно пробившую лоб испарину.

— Вы хотите сказать, что это Ольга? Что нищенкой была моя жена, так?

— Нет, то была не ваша жена, — ответил граф грустно, — вашей женой она перестала быть за два года до этого.

— Ради бога, скажите, что все это значит!

— То, о чем я вам имел уже честь говорить. Анжелу Заяц убило то самое существо, кое до этого умертвило Ольгу Самарину, а до нее — ту даму из Омска, Тамару Пегову. Однако тремя жертвами список отнюдь не исчерпывается: на счету этой твари не одна сотня, а то и не одна тысяча женщин.

— Николай Иванович, — взмолился Антон, — прошу вас, объясните подробно, я ничего не понимаю.

— Так-таки совсем ничего? Даже после всего, что услышали от меня?

— Ну, почти ничего. Откуда взялся этот монстр? Кто это? Зачем он убивает людей? Куда девается после убийства? И, наконец, откуда вы все это знаете?

Граф с полминуты стоял недвижно, заложив руки за спину и задумчиво разглядывая потолок.

— Вы задали пять вопросов подряд, Антон, — сказал он наконец. — Вопросы правильные, но мне, знаете ли, не ответить на все сразу. Поэтому, с вашего позволения, давайте-ка пойдём по порядку. Ваш первый вопрос — откуда взялся сей монстр. На него я готов ответить незамедлительно: не знаю.

— Не знаете? — растерялся Антон.

— Увы. Видите ли, что бы вы ни думали об услышанной от меня гипотезе, мы предпочитаем оперировать фактами, а не домыслами... где можем, разумеется. Мы очень много знаем об этом существе. Но, увы, далеко не все. К примеру, откуда оно взялось, нам неизвестно. Однако предполагать мы можем. Засим я лично предполагаю, что существо сие — иной расы. Не человеческой.

— Инопланетянин?

— Да нет, вряд ли, хотя не исключена и такая версия. Но я полагаю, что это просто еще одна разумная раса на Земле. Древняя, возможно древнее, чем Homo Sapiens. И весьма малочисленная. У меня достаточно данных для того, чтобы сделать именно такое предположение. Макс, будь настолько любезен, сотвори-ка нам кофе.

— А эти данные, — начал Антон, воспользовавшись паузой, — они...

— У вас будет возможность с ними ознакомиться, — прервал граф. — А пока что, экономии времени ради, поверьте мне на слово — такие данные есть. И, пожалуй, двинемся дальше. Вы осведомились, кто это существо. По сути, на сей вопрос я уже ответил. Оно — представитель той самой расы. Мы называем их попросту нелюдями, а как они называют себя сами — сие неизвестно. Итак, это существо — нелюдь, причем, разумеется, женского пола. Впрочем, «разумеется» лишь для меня, для вас сие, думаю, покамест не очевидно.

— Вы хотите сказать, у нелюдей тоже два пола? — ошеломленно пролепетал Антон. — Мужской и женский?

В голове у него все смешалось. Обдумывать получаемую от Муравьева информацию он не успевал, и слова графа все больше и больше казались нагромождением нелепостей. Речь, густо пересыпанная словно заимствованными из позапрошлого века архаизмами, не добавляла графу убедительности, а, напротив, делала его еще более чудаковатым.

— Да, нелюди — двуполые существа, сие мы знаем наверняка, — сказал граф, — но позвольте об этом чуть позже. Давайте будем последовательны. Итак, нелюди убивают людей, и вы задали совершенно закономерный вопрос: зачем они это делают. Это, Антон,

вопрос ключевой, и на него у нас есть ответ, однозначный. Нелюди не имеют собственного тела. Чтобы жить, нелюдь завладевает телом человеческим, которое и использует как оболочку для своей сущности. Внутри очередной захваченной оболочки нелюдь существует до тех пор, пока не возникает необходимость сменить тело, — граф выдержал паузу, подался вперед и продолжил, резко чеканя слова: — Как только нелюдь завладевает новой оболочкой, происходят две вещи. Во-первых, отторжение старой, иными словами, тела человека, умерщвленного во время предыдущей смены. И, во-вторых, умерщвление человека, тело коего отныне становится новой оболочкой нелюди. И так без конца, труп за трупом, убийство за убийством.

Антону показалось, что последние слова граф вбил ему в голову, будто молотком гвозди. То, что раньше выглядело сумбуром и нелепостью, вдруг обрело стройность, и вещи разом встали на свои места. Но вместе с тем сказанное было настолько шокирующим и невероятным, что походило на что угодно, только не на правду.

— Как же так? — ошарашенно выдавил из себя Антон. — Почему? Почему никто об этом не знает? Николай Иванович, то, что вы сказали, похоже на...

— На бред, — предупредительно подсказал граф. — Именно так — на бред. Посему, попытайся мы предать наши знания гласности, нас неминуемо приняли бы либо за умалишенных, либо за скандалистов из желтой прессы, выдумавших очередную сенсацию. В прежние времена было не так. Триста-четырееста лет назад люди были гораздо более восприимчивы к подобным вещам.

— Вы имеете в виду?..

— Именно, — граф едва уловимо улыбнулся и вновь стал серьезен. — Знание о нелюдях существует издавна, если не сказать испокон веков. Однако количество людей, владеющих информацией, во все времена было невелико. В частности потому, что большинство посвященных информацию эту усиленно скрывали. По разным причинам, не всегда, к сожалению, достойным. Это, Антон, самый печальный факт в истории Знающих — так мы называем себя сегодня. Впрочем, мы отвлеклись, давайте, с вашего позволения, вернемся к проблеме сокрытия информации позже. А вот, кстати, и Макс со своим знаменитым кофе.

Механически глотая кофе и не чувствуя вкуса, Антон пытался собраться с мыслями. Ему казалось, он тонет в потоке нахлынувшей информации. То, что он услышал, было невероятно. И вместе с тем...

Антон передернуло, стоило ему сконцентрироваться на услышанном. Монстр, меняющий человеческие тела как костюмы, убивающий свои жертвы одну за другой. И среди этих жертв — Оля, телом которой эта дрянь пользовалась два года как оболочкой. Пока не возникла необходимость сменить оболочку. Избавиться от нее, как от обветшалой старой тряпки. Антона заколотило, когда он подумал про Олю, уже убитую Олю, тело которой носило в себе эту дрянь. Чувство возникло омерзительное, Антон едва не подавился и поспешно отставил кофейную чашечку в сторону.

— Николай Иванович, — сказал он, — извините, я не могу прийти в себя. Для меня все это, вы понимаете...

— Вполне понимаю. — Граф тоже отодвинул свою чашечку. — Знаете, на сегодня, пожалуй, достаточно. Давайте встретимся завтра. Во-первых, переизбыток информации никому еще не шел на пользу. А во-вторых, у вас будет время на обдумывание и осмысление того, что узнали. А также будет у вас два варианта. Вы или поверите мне и тогда узнаете намного больше. Или не поверите, и тогда, простите великодушно, нам с вами не по пути.

Иными словами, я делаю вам предложение. Просто и коротко — стать одним из нас. Я не вербую вас и не уговариваю — вы или пойдете с нами, или нет... Прошу прощения, я вижу, у вас есть вопросы. Извольте, постараюсь ответить.

— Вопрос действительно есть, — Самарин поднял голову и посмотрел Муравьеву в глаза. — Вы предложили мне присоединиться к вам. Но не сказали, ни сколько вас, ни какие у вас цели.

— Извольте, я отвечу. Нас мало, буквально каждый человек на счету. Мы — те, кому нелюди поломали жизнь. Каждый из нас потерял близких — кто жену, кто мать, кто дочь. Каждый, включая меня. И мы стремимся лишь к одному — уничтожить нелюдей, смести их, с позволения сказать, с лица Земли. Мы верим, что способны это сделать, мы обладаем для этого и средствами, и знаниями. То, к чему мы стремимся, — не только и даже не столько личная месть. Это наш долг, мы должны, нет, обязаны раз и навсегда избавить мир от этого проклятия, от этой заразы.

С минуту Антон осмысливал новую информацию. Потом сказал:

— Спасибо, я понял вас. Ответьте еще на один вопрос, пожалуйста. Почему я? Ведь по вашим словам, людей, пострадавших от нелюдей, много. Вы говорили, что монстры убили тысячи женщин. Значит, есть тысячи таких, как я, не так ли?

— Эти тысячи — в прошлом, Антон. В наши дни жертв относительно немного. Мы знаем, что нелюдей почти не осталось, их раса на грани вымирания. И мы позаботимся о том, чтобы они эту грань переступили, — граф, сидевший на дальнем конце стола, встал, шагнул вперед и опустился на стул напротив Самарина. — Теперь — относительно вас, — продолжил он, глядя собеседнику в глаза. — Людям свойственно мириться с обстоятельствами. Раны затягиваются, в том числе и душевные. И человек становится безразличным. Я беседовал со многими, пострадавшими от нелюдей, вы не единственный. Большинство не пожелали иметь со мной дела. Не потому, что я не сумел их убедить, а оттого, что не захотели поверить. Эти люди смирились и просто хотели обо всем забыть и жить дальше. Вы — нет. Вам по сию пору не все равно, я вижу это явственно и поэтому надеюсь, что вы станете одним из нас. Но, разумеется, я могу ошибаться, что, как известно, человеку свойственно. На этом, Антон, позвольте попрощаться с вами. Макс, проводи гостя.

Вернувшись домой, Антон сбросил одежду и отправился в ванную. Залез под душ и минут двадцать попеременно истязал себя струями горячей и ледяной воды, чего не делал с тех пор, как пропала Ольга. Наконец вылез из ванны, растерся жестким полотенцем и, не одеваясь, направился в спальню. Рухнул лицом вниз на кровать и попытался собраться с мыслями.

То, что он услышал, было ошеломляюще. Это было совершенно невероятно и абсолютно невозможно. Возьмись кто-нибудь рассказать Антону историю, даже наполовину менее фантастичную, он бы попросту не стал слушать и усомнился в адекватности рассказчика. Да что там, наверняка принял бы того за сумасшедшего. Похож ли на сумасшедшего Николай Иванович Муравьев? Антон мог бы поклясться, что нет. Хотя заурядным человеком его никак не назовешь — странностей хватает. Этот его графский титул хотя бы взять, необоснованную заботу, чудаковатую старомодную речь, верзилу-телохранителя, который сам не знает, кем графу приходится... И наконец, поступившее предложение примкнуть неизвестно к кому.

Самарин поднялся, накинул халат и двинулся на кухню. Только сейчас он сообразил, что его абсолютно не тянет на выпивку.

— Вот черт, — подумал он, — я что же, за два дня стал другим человеком? Перепрограммировал меня его сиятельство, что ли?

Антон открыл холодильник, с недоумением посмотрел на стоящую на полке поллитровку и захлопнул дверцу.

«У тебя появилась возможность обрести цель в жизни, — пробудился вдруг внутренний голос. — Не упусти ее».

«Хорошенькая цель, — возразил Антон. — Сражаться с ветряными мельницами? Как там сказал Муравьев — стереть эту заразу с лица Земли? Бред ведь, отчаянный бред. Тоже мне, охота за привидениями. Дракоборцы хреновы, действительно можно рехнуться. К чертям — я еще не пропил мозги, хоть и упорно старался. А для того чтобы пойти воевать невесть с кем и невесть за что, мозги должны быть набекрень».

«Ой ли, — не унимался внутренний голос. — Так уж и набекрень. Из того, что ты чего-то никогда не встречал, вовсе не следует, что этого «чего-то» не существует. Представления людей об окружающем их мире постоянно меняются».

«Да, меняются, но не до такой же степени. К тому же меняются неспроста, а под давлением фактов и твердых доказательств. Мне же предлагают поверить в черт-те что, основываясь на неких мистических данных, на неведомой и якобы засекреченной древней информации. Абсурд же, явный абсурд. Да и зачем мне это, в конце концов?»

«Тебе дают шанс».

«Шанс на что? — рассердился Антон. — Попасть в палату для умалишенных? Спасибо большое, перспектива прекрасная, лучше уж от цирроза печени сдохнуть, чем от сульфатов, или чем там потчуют психов. На моем месте ни один здравомыслящий человек не согласился бы».

«Непременно бы согласился. Только не так это легко для здравомыслящего человека — оказаться на твоём месте».

Антон закурил и с тоской посмотрел в окно. Снаружи было сумеречно, ранний ноябрь рвал последние листья с гнущейся на ветру березы, накрапывал мелкий дождь, и вдали, на проспекте Просвещения, уже зажглись первые фонари.

«А ведь ты, похоже, уговорил меня, приятель, — криво улыбнулся Антон своему невидимому второму «я». — Наверное, уговорил потому, что ты прав, — меня, в моем положении, человеком здравомыслящим не назовешь».

На этот раз граф жестом пригласил Антона не в давешний кабинет, а в гостиную. Там за массивным дубовым столом сидели трое мужчин.

— Знакомьтесь, господа, — улыбнулся Муравьев. — Это Антон, о котором я имел честь говорить с каждым из вас. Станет ли он нашим, зависит во многом от того, как закончится сегодняшняя встреча. Посему это зависит и от вас, господа.

Самарин подошел к столу и по очереди пожал руки присутствующим.

— Артем Сильвестрович, можно просто Сильвестрыч, — улыбнувшись, представился коренастый мужик лет сорока с загорелым, будто дубленным на солнце лицом. Моряк в нем распознавался сразу, даже если не принимать во внимание якорь, наколотый на тыльной стороне ладони.

— Голдин, — назвал себя сидящий справа от Сильвестрыча парень, с виду Антонов ровесник. Голдин казался subtilным, даже хрупким. У него были ухоженные, с длинными гибкими пальцами руки и нервное породистое лицо с узким прямым носом, высоким лбом и

тонкими, почти бесцветными губами.

— Наше вам, — скороговоркой пробормотал неопределенного возраста мужичонка с вислыми усами и аккуратно зализанной на лысину единственной прядью волос. — Очень, тык скыть, приятственно лицезреть. Знакомцами, стало быть, будем.

— Прошу вас посерьезней, Косарь, — строго сказал Муравьев, — шутить потом будете. Обожает сыграть роль сельского дурачка, — прокомментировал он, повернувшись к Антону. — Не обращайтесь внимания, от такой головы, как у сего, с позволения сказать, пейзаина, никто бы не отказался.

Мужичонка открыл было рот, явно собираясь возразить графу, но тот резко вскинул ладонью вперед руку. Косарь осекся и смолчал.

— Достаточно, господа, — бросил граф. — Садитесь, Антон, разговор нам предстоит долгий. Я буду рассказывать, а вы, если что-нибудь непонятно, — сразу спрашивайте, договорились? Если я не смогу ответить, непременно поможет кто-либо из этих господ.

Антон сел на свободный стул между Косарем и Голдиным и приготовился слушать.

— Я происхожу из старинного дворянского рода, — приступил к рассказу Николай Иванович. — Начинаю с этого потому, что моя семья имеет к предмету нашей беседы самое непосредственное отношение. Мой прапрадед граф Алексей Тихонович Муравьев был для своего времени весьма просвещенным человеком. Он увлекался историей, водил знакомство с Соловьевым, Ключевским, Костомаровым, его библиотека была одной из самых богатых в России. Также был он человеком весьма и весьма состоятельным. Свое состояние Алексей Тихонович, разумеется, завещал наследникам, и цена оногo состояния зело была велика. Однако после смерти прапрадеда выяснилось, что изрядную часть своих денег он отделил и поместил в некий, выражаясь современным языком, фонд, о котором в официальном завещании не упоминалось. Права на эту часть наследства оговаривались отдельным документом, содержание которого хранилось в тайне от всех, кроме самого наследника и душеприказчика. Помимо денег, сия особая часть включала в себя некие бумаги, содержание которых также не подлежало огласке. Отдельно был оговорен порядок наследования: владельцами и распорядителями фонда надлежало быть старшим сыновьям в каждом поколении. Посему сегодня я, последний из графской семьи по мужской линии, фондом, равно как и документами, владею безраздельно. Это про них я говорил во время наших прошлых бесед. С их копиями вы сможете ознакомиться, когда пожелаете, а пока что прошу еще какое-то время верить мне на слово.

— Если кому-нибудь и можно верить на слово, так это графу, — тихо сказал Голдин.

— Ну что ж, спасибо. Продолжим. Мой прадед, граф Павел Алексеевич, эмигрировал в начале двадцатого века во Францию так же, как многие русские дворяне. В отличие от большинства из них, впрочем, прадеду удалось забрать с собой достаточно средств, чтобы обеспечить членам своей семьи жизнь, достойную их положения. В частности, упомянутый мною фонд задолго до революции был почти полностью переведен за границу. Большая часть библиотеки, к сожалению, погибла или была утеряна, но семейный архив, о коем речь шла ранее, прадеду удалось забрать с собой. Так что после его смерти владельцем стал мой дед, а после него — мой отец, граф Иван Николаевич. Отец родился во Франции, где и прожил всю жизнь. В пятьдесят втором он вступил в брак с моей матерью. Я родился в Париже в пятьдесят пятом и был единственным сыном в семье, а моя старшая сестра Натали — единственной дочерью. Наш отец скончался, когда мне исполнилось два года, а Натали — три, посему нас обоих воспитывала мама, графиня Людмила Михайловна.

Муравьев прервался, поднес к губам бокал с водой, сделал пару глотков и продолжил:

— Мне исполнилось одиннадцать лет, когда мама исчезла. Это случилось в январе шестьдесят шестого. Я отчетливо помню тот вечер. Мы жили в большом доме на Монмартре, полном прислуги, и к нам как раз приехали гости родственники по материнской линии из Льежа. Был ужин при свечах, Натали читала стихи, потом музицировали, мама прекрасно играла на пианино. Разошлись по комнатам за полночь. А наутро графиня не вышла к завтраку. Прислуга, отправившаяся ее будить, подняла крик, и мы с сестрой бросились в мамину спальню. Там все было перевернуто вверх дном, словно, с позволения сказать, после обыска, самой мамы в комнате не оказалось, а вместе с ней исчезли наличные деньги и фамильные драгоценности. Посреди спальни на полу лежала навзничь отвратительная мертвая старуха. По виду судя — нищенка-клошарка, ночующая под мостом через Сену. Ее никто не знал, и только Эмме, экономке, казалось, будто она видела похожую старуху поодаль, когда запирала на ночь ставни. Нечего говорить, вскоре в дом пожаловала полиция. За дело взялись лучшие парижские сыщики, но мою бедную маму так и не нашли. С тех пор прошло сорок лет. Да, сорок лет, — медленно повторил граф и потянулся к бокалу с водой.

Антон понял, что Муравьеву до сих пор нелегко говорить об этой части истории.

— Позвольте, я продолжу, граф, — предложил Голдин.

— Благодарю вас, так действительно будет лучше. Продолжайте, сделайте милость.

— Тело Людмилы Михайловны Муравьевой нашли через семь лет, — сказал Голдин. —

В то время граф учился в Сорбонне. Он вместе с сестрой жил в том же доме на Монмартре. И вот однажды утром Натали не вышла к завтраку. Граф направился в ее комнату и застал там ту же ужасную картину, что и семь лет назад. История повторилась — Натали исчезла, а вместо нее в комнате находился труп пожилой женщины.

— Старой женщины, — жестко произнес Муравьев. — Старой, — повторил он глухо.

— Извините, — вздохнул Голдин. — Да, тело старой женщины, в которой граф с трудом опознал свою пропавшую мать.

— О боже, — Антон подался вперед, — вы хотите сказать?..

— Да, — кивнул Голдин. — Николай Иванович потерял и мать, и сестру.

— Благодарю вас, закончу я сам, — сказал Муравьев. — Нечего говорить, что Натали не нашли. Я едва не обезумел от горя, решил, что нашу семью тяготит страшное, мистическое проклятье. И бросился изучать семейный архив. Мне и раньше приходилось заглядывать в него, но большей частью я делал это из любопытства, теперь же взялся за дело всерьез. Вы, наверное, уже догадались, Антон, эта история действительно оказалась семейным проклятием. Я проштудировал сотни документов, оставленных десятью поколениями предков. Часть из них была зашифрована, и мне так и не удалось добраться до сути. Думаю, мой отец знал шифр, но умер слишком рано и не успел передать его мне.

Из тех бумаг, которые прочитать удалось, явственно следовало одно — члены семьи Муравьевых на протяжении последних трех столетий руководили неким тайным обществом. В разные времена оно называлось по-разному и цели преследовало тоже разные, но суть у одного общества оставалась неизменной. Суть эта заключалась в том, чтобы противостоять расе нелюдей. Те же, в свою очередь, делали все, что в их силах, чтобы с тайным обществом покончить. Я нашел множественные упоминания об этом, самые старые из них датированы началом восемнадцатого века. Я также обнаружил упоминания о подобных обществах и в других странах. И я нашел множественные свидетельства гибели предков, ставших жертвами нелюдей. Мои мать и сестра оказались далеко не единственными — эта дрянь оборвала

жизни не одного десятка Муравьевых. Причем, — граф обвел глазами аудиторию, — жизни не только женщин, но и мужчин.

— Так что же это получается? — ошарашенно спросил Антон. — Значит, они существуют веками? Тогда почему мы о них ничего не знаем? Сведения наверняка просочились бы, как бы их ни скрывали.

— А они и просочились, — невесело усмехнулся граф. — Еще как, смею сказать, просочились. Легенды об оборотнях, вурдалаках, ведьмах и колдунах — эти сведения и есть. Дело, к сожалению, в том, что легенды сии распространяли руководители тех самых тайных обществ, кои с нелюдями боролись. А существовали такие общества, по всей видимости, во многих странах и во всех временах. И распространялись нелепости намеренно.

— Да почему же? — вскинулся Антон. — Какой в этом смысл?

— Смысл был. Коллеги из Франции, к примеру, считают, что он есть и сейчас. Дело в том, что с нелюдями не только боролись. И даже не столько — их использовали.

— Как?! Как можно их использовать? — изумился Антон. — Они же смертельно опасны.

— Именно так, смертельно опасны. И именно в этом плане их и использовали. В качестве смертельно опасных, идеальных убийц.

— Час от часу не легче. Что же это получается — мы живем среди нелюдей, и в любой момент они могут напасть? Сколько же их вокруг нас — десятки, сотни, тысячи?

— Я склонен полагать, — сказал граф спокойно, — что они были довольно многочисленны когда-то, но не сейчас. Вспомните историю — сколько ведьм сожгли на средневековых кострах? Скольким людям, принимая их за вампиров или оборотней, отсекали головы, пронзили сердца осиновыми кольями? Разумеется, среди и тех, и других были невинные жертвы. Но были и нелюди, были наверняка и во множестве. В те времена любой человек, не похожий на прочих, рисковал оказаться на костре или на плахе. Я думаю, что сейчас нелюдей осталось очень мало. Может быть, считанные единицы. Но каждый из них способен унести десятки и сотни жизней.

— Извините, Николай Иванович, я не понимаю, — сказал, переварив последнюю информацию, Антон. — Нелюди не имеют, по вашим словам, собственных тел и пользуются человеческими. Потом, когда очередное тело приходит в негодность, избавляются от него. Но тогда как же они размножаются, как воспроизводят себя? Ведь если у них нет потомства, то получается, что нелюдей должны были давно истребить. Почему же они не вымерли?

— Что ж, вы рассуждаете здраво. Но дело в том, что нам далеко не все про них известно. Мы не знаем, как они размножаются и размножаются ли вообще. Возможно, они потеряли способность к репродукции. Я полагаю, механизм воспроизведения рода у них имелся, иначе бы не было четкого разделения на женские и мужские особи. А разделение оно есть — одни особи могут жить только в телах земных женщин, а другие — исключительно в телах мужчин. Но, повторю, я не знаю, как они размножаются, в документах тоже этого нет. Я надеюсь, что никак, и в этом случае наша задача становится много проще. Но вот то, что они не вымирают, как раз неудивительно. Дело в том, что нелюди бессмертны, способны жить вечно. Естественная смерть им не грозит. Если оболочка приходит в негодность, к примеру из-за болезни, нелюдь попросту меняет ее на новую. Есть всего лишь один способ умертвить нелюдь — убить ее. Физически уничтожить оболочку, в которой она прячется, не дав возможности завладеть другой. И именно сие — цель нашей группы. Рано или поздно мы найдем ту гадину, коя уничтожила наших близких, и

ОТОМСТИМ.

— Простите, вы имеете в виду, что это одна и та же женщина? Я хотел сказать, одна и та же нелюдь?

— Почти наверняка — да. Во Франции я сумел ее выследить. Это заняло долгие годы, но в результате я оказался близок к ней как никогда. Однако в последний момент она, по-видимому, почувствовала опасность и бежала. Бежала в Россию, воспользовавшись телом моей хорошей знакомой Леоны Лорнэ. Француженки. Никогда себе не прощу, что так вышло. Когда-нибудь я расскажу вам в подробностях — я допустил ошибку и не уберег Леону. Кстати, у нее остался сын. Когда мать погибла, ему не сравнялось еще и трех лет. Он сказал мне, что вы называете его Максимом. У него несколько другое имя, молодого человека зовут Максимилиан. Кстати, Максимилиан Лорнэ — единственный, кто примкнул к Знающим не оттого, что сделал сознательный выбор. Макса воспитал я, и он среди нас исключительно потому, что я так пожелал.

«Вот оно что, — подумал Антон. — Вот, значит, что Макс имел в виду, когда сказал, что сам не вполне представляет, какие именно отношения связывают его с графом».

— Так что же было дальше? — спросил Самарин. — Вы поехали вслед за нелюдью в Россию?

— Разумеется. Я, с позволения сказать, преследовал ее по пятам. Видите ли, срок службы оболочки нелюдей весьма значителен. Согласно документам, о которых я упоминал, в прежние времена человеческое тело служило им около пятнадцати лет, в отдельных случаях — даже около двадцати. Но чем более интенсивно протекают у нелюдей жизненные процессы, тем быстрее оболочка изнашивается. Когда нелюди в бегах, скрываются, нервничают, темп жизни возрастает, и оболочка приходит в негодность очень быстро. В вашем случае, Антон, — граф потупил глаза, словно извиняясь, — прошло всего лишь два года. Простите великодушно, отвлекся. Итак, я упустил ее во Франции, но остался след, ведущий в Россию. Я бросился по этому следу, он привел меня в Санкт-Петербург. Впрочем, тогда, пятнадцать лет назад, город еще назывался Ленинградом. Я почти достал ее, но она почувствовала — эти твари наверняка чувствуют, когда им, с позволения сказать, дышат в затылок. Она начала метаться — вы понимаете, что это значит?

— Кажется, понимаю, — протянул Антон, — она начала интенсивно менять тела?

— Верно. Оболочки. Засим она заметалась, и, как результат, погибли десятки людей. Женщин.

— Моя жена стала одной из первых жертв, — глухо сказал Сильвестрыч. — Я был в море и, когда вернулся...

— А вслед за ней она убила мою мать, — глядя Антону в глаза, продолжил Голдин.

— Моя дочка погибла пять лет назад, — сказал Косарь. — Моя единственная девочка. Эта тварь убила ее походя. Даше было всего семнадцать лет, — Косарь помолчал и добавил: — Голыми руками задавил бы гадину. На куски бы рвал.

— Дашино тело обнаружили в Омске, — сказал граф, — а оттуда исчезла Тамара Пегова. Дальше вы знаете.

— Так что же получается? Сейчас эта тварь находится в теле той девицы из Магадана? Как ее, Анжелы? И что, мы ее будем искать?

— Искать-то мы будем непременно, — медленно проговорил граф. — Хотя, боюсь, сие может и не понадобиться.

— Как не понадобиться? Почему?

— Понимаете ли, Пегова вернулась в Питер несмотря на то, что это было для нелюди смертельно опасно. Ведь она знала, что мы ее ищем. Знала, но сама полезла, с позволения сказать, волку в пасть.

— Так в чем же дело?

— Придет время, вы узнаете эту историю в деталях, сейчас же сие несущественно. В двух словах — тогда, в Питере, два года назад, она нашла нас и попыталась свести с нами счеты. У нее не получилось, и она бежала, убив Ольгу Самарину и воспользовавшись ее телом. Мы не знаем, когда она повторит попытку. Зато точно знаем одно: мы охотимся на нее и, если поймем, непременно уничтожим. Но мы в своем намерении не одиноки. Она тоже ведет охоту — на нас, и, если представится такая возможность, она умертвит всех нас или столько, сколько сумеет.

Глава четвертая

Переступив порог дома, в котором живут свои, необходимо позаботиться о надежности запоров. Йиргем, как и любой йолн, заучил это правило с раннего детства. Убедившись, что тяжелые засовы надежно лежат в пазах, Йиргем направился в просторную комнату, откуда доносились голоса и смех.

Новый дом все больше нравился молодому йолну. В Кемете, в этой странной земле, люди воздвигали своим покойникам огромные, величественные каменные усыпальницы, но здесь было непросто найти дом для живых, который был бы и красив, и удобен, и прочен. Жилище старшего писца Рамоса, в которое семья Йиргема вселилась два года назад, сочетал, по крайней мере, последние два качества. Но не первое — красивым дом не был. У людей странные понятия о красоте: что хорошего, например, в стенах синего цвета? Зато эти стены, пускай и синие, надежны и сложены из прочного кирпича. Хорошо и то, что прежние хозяева догадались соорудить ванную комнату с каменным полом и глубокими чашами для омовения. Впрочем, ванны были нередки в богатых домах Кемета. Как бы старательно состоятельные люди ни готовились к последующей жизни, они вполне умели ценить удобства и в этой.

Садик во дворе был маловат, зато он не примыкал к дому сзади, как в большинстве городских строений, а находился в сердцевине, окруженный со всех сторон стенами. Выходящая на улицу часть квадратного и большого, не менее двухсот кубитов с каждой стороны, здания, была двухэтажной. На первом этаже в этой части дома находилась главная комната, в которую Йиргем и направлялся сейчас, такая большая, что нуждалась в двух каменных колоннах, поддерживающих потолок. В комнатах на втором этаже теперь жили члены новой семьи Йиргема — пятеро, не считая его самого и Лутх, его спутницу — *олни*. Йиргем улыбнулся, вспомнив любимую, но тут же с грустью вздохнул. В семье Рамоса, к сожалению, не хватило тел на всех, к тому же старшая женщина оказалась слишком слабой. Лутх, которой досталось ее тело, пришлось спешно подыскивать другое. Сейчас ей, так же, как и еще троим йолнам, приходилось довольствоваться телами рабов. Это было неудобно. Тело раба ограничивает свободу йолна, который его носит. Хорошо еще, что йолнам не надо жить в комнатах для рабов в узкой одноэтажной пристройке. Однако при людях им необходимо играть роль прислуги. Это раздражало йолнов и изумляло настоящих рабов, не отличавшихся умом, зато отличавшихся невероятной болтливостью.

То, что люди-рабы жили отдельно, было весьма удобно — так они меньше путались под ногами, а йолны могли расслабиться и поговорить друг с другом на своем родном *йоло́не*. Рабы, конечно, это всего лишь рабы, но они способны причинить хозяевам немалые неприятности, если распусят слухи своими длинными языками. Так что лучше соблюдать осторожность, чем потом спешно, спасаясь от беды, искать новые тела для всей семьи. Оказаться в такой ситуации было бы ужасно. Впрочем, о том, каково это, Йиргем пока знал лишь из рассказов старших.

Молодой йолн переступил порог главной комнаты и заулыбался, приветствуя гостью — *найи*, старшую неродственницу. Тут же сидели Лутх и Райгр — ни рабов, ни гостей-людей в комнате не было, и Йиргем с облегчением подумал, что можно свободно говорить на *йоло́не*.

— Мйелна! — воскликнул он. — А я как раз вспоминал о тебе.

— Надеюсь, с добрыми чувствами? — улыбнулась в ответ Мйелна. Она уже больше

десяти лет носила маленькое, плотное тело жившей по соседству одинокой повитухи Хекену и ни в какую не желала с ним расставаться. Когда старшие решили, что Йиргем готов поселиться отдельно, именно Мйелна указала молодой семье на храмового писца Рамоса. Еще лет десять назад, пожалуй, старшие и не решились бы занимать тела, принадлежащие семье одного из храмовых писцов, — слишком тот заметная фигура в Ипет-Исуте. Йолны предпочитали держаться в тени, стараясь обеспечить себе лишь удобство и достаток и не гоняясь ни за богатством, ни тем более за славой и известностью. Однако с началом правления Ахенатена наступили времена столь смутные и незаконные, что Йиргему было дозволено попробовать.

— Я как раз думал, что без твоей помощи мне ни за что не видать ни этого тела, ни этого дома, — поклонился соседке Йиргем. — Тело Юти намного лучше моего предыдущего.

— Йиргем, представляешь, — вмешалась Лутх, — *найи́*, кажется, нашла мне новое тело! Йиргем слегка нахмурился. Молодой йолн любил и уважал свою *олни*, но ее нетерпеливость иногда беспокоила его.

— Мы не раз говорили об этом, — сказал Йиргем. — Юти с точки зрения людей еще слишком молод для женитьбы. К тому же мы хотим, чтобы люди пока думали, будто в семье Рамоса — тяжелые времена, у Юти нет денег на покупку нового дома.

— Тебе легко говорить, — надула губы Лутх, — не тебе же приходится терпеть это кошмарное тело!

Йиргем пожал плечами.

— На мой взгляд, не так уж оно и ужасно. Еще пару лет вполне можно потерпеть.

— Не так уж ужасно? Да этому телу лет тридцать, не меньше. И посмотри на это, — молодая йолна, привычно ходившая по дому обнаженной, собрала в ладонь складки жира на животе. — Думаешь, легко таскать все это на себе? И волосы у нее редкие! И при людях мне каждый миг приходится помнить, что я — рабыня!

— Можем найти тебе другую рабыню, помоложе, — вмешался Райгр, — но я бы на твоём месте потерпел. Йгерну приходится гораздо хуже, но он не жалуется.

Йгерну действительно приходилось хуже всех. Тело старшего писца было немолодо уже тогда, когда йолн его занял, и за два года его состояние отнюдь не улучшилось.

— Тише, *тайи́*, — мягко, но очень уверенно произнесла Мйелна. — Райгр, я сделаю вид, что не услышала твоих слов. Разумеется, ты не всерьез предлагал Лутх сменить тело всего лишь из-за редких волос и жировых складок.

Лутх молча опустила глаза. Йиргем слегка кивнул, досадуя, что сам не успел остановить этот неуместный в присутствии *найи́* спор.

— Я действительно присмотрела твоей *олни* новое тело, — продолжала гостья, обращаясь к Йиргему. — Девочку, которой сейчас лет десять или одиннадцать, еще не вошедшую в возраст замужества. Она очень красива, совершенно здорова, и при этом полная сирота. Именно то, что нам нужно.

— Ни друзей, ни родни? — быстро спросила Лутх.

— Есть дальние родственники, приютившие ее из милости. На девочку навалили всю домашнюю работу, так что ей не до того, чтобы заводить друзей.

— С этими родственниками потом не будет хлопот? — спросил Йиргем.

— Они забудут про девочку, едва та покинет их дом. Я уже сказала, что хочу взять ее к себе как служанку и, возможно, будущую ученицу, — Мйелна усмехнулась. — Они не слишком были довольны тем, что теряют бесплатную прислугу, но перечить мне не

решились. Девочка будет у меня к концу этой луны, сможешь зайти и посмотреть на нее, Лутх. Через два года она как раз вступит в подходящий для тебя возраст. Впрочем, — лукаво покосилась на молодую йолну *найи́*, — если тебе так уж не терпится, можешь брать ее сейчас. Тебе всего лишь придется пожить у меня до тех пор, пока мы не решим, что Юти можно жениться.

Лутх засмеялась. Она лишь недавно обрела способность менять тела и снова запирать себя в незрелом детском теле без крайней нужды не собиралась.

— Мйелна, спасибо, конечно, но в этом жирном и дряблом теле с Йиргемом все же лучше, чем в самом молодом и красивом, но без него. Только постарайся, чтобы девчонка не завела тут друзей, а то за два года можно многое успеть.

— Не беспокойся, я позабочусь, чтобы она пореже покидала дом. А если и ухитрится с кем подружиться — девушки, выходя замуж, забывают старых подружек. Особенно бедные девушки, выходящие замуж за храмовых писцов.

— С другой стороны, — задумчиво протянула Лутх, — кое-что ей успеть и не помешало бы...

— Что именно, *тайи́*?

Лутх замялась.

— Я потом поговорю с тобой, если позволишь. Наедине. Хорошо?

— Пожалуйста, — пожала плечами Мйелна, — когда захочешь.

— Ты ведь поужинаешь с нами?

— Разумеется, милая.

— Йгерн, — обратилась Лутх к возникшему в дверях йолну, который носил бывшее тело Рамоса, — я немного поговорю с Мйелной в нашей комнате, а потом позову остальных *рельо́* и будем ужинать. Ты дай пока указания рабам, хорошо? Тебя они слушаются быстрее — никак не разберутся, как ко мне относиться. Люди порой так раздражающе тупы.

— И надейся, — серьезно сказала Мйелна, — что они никогда не поумнеют.

Рабы заставили стол едой и покинули комнату, повинувшись приказу хозяина. Йолны принялись устраиваться на скамьях и стульях, поправляя под собой кожаные подушки. К счастью, им не пришлось отказываться от привычки к удобным сиденьям — мебель осталась в доме с прежних времен. Лучшее место предоставили Йгерну. У тела Рамоса часто болела спина, а в последнее время сильно уставали глаза. На случай, что Йгерну станет совсем скверно, семья держала под рукой нескольких подходящих молодых рабов, однако йолны нуждались в доходе от заказов, которые поручали Рамосу. Вряд ли кто из людей доверил бы ту же работу молодому Юти, а о Сенби, тело которого занимал сейчас Райгр, и говорить нечего. В следующем году Йиргем собирался отправить Райгра в школу, используя в качестве платы за обучение часть сбережений Рамоса. Разумеется, Райгр умел читать, писать и считать не хуже, чем сам Йиргем, но школа была необходима, если он впоследствии хотел зарабатывать на жизнь в этом городе ремеслом писца. Йиргем немного волновался по этому поводу. Ему стоило немалых усилий не показать Накти, что на самом деле ученик знает намного больше учителя. А справится ли с этой задачей Райгр? Он и раньше был не склонен к сдержанности, а в таком молодом теле бывал порой и вовсе непредсказуем. Миг спустя мысли Йиргема приняли иное направление. Райгр принес немалую жертву им всем, добровольно вызвавшись занять тело ребенка, и это было основной причиной, по которой Йиргем не хотел отпускать *рельо́* в школу. Любой другой йолн в случае беды сможет занять новое тело, Райгр же привязан к телу Сенби до тех пор, пока не вступит в нем в пору

зрелости. Семья надеялась, что ждать этого осталось недолго, но пока что риск был, по мнению Йиргема, слишком велик. Райгр тяготился невольным заточением в доме, и Йиргему приходилось использовать весь свой авторитет предводителя семьи, чтобы удерживать его от безрассудных поступков. Сказать по правде, Райгр доставлял больше хлопот, чем любой другой *рельó*, но ему и приходилось труднее прочих.

Райгр и Йиргем были рождены одной парой йолнов, успевшей, правда, сменить тела в промежутке между рожденьями. Йгерн, Лйерн и Тхломн появились на свет в той же семье, хотя и были рождены другими парами. Так или иначе, все они были *рельó* столько, сколько себя помнили, и даже помыслить не могли о расставании.

Йиргем невольно ощутил ставшую уже привычной легкую грусть по прежней семье, по тем *рельó* и *найí*, которые остались в старом доме. Подумал он и о том, насколько тяжелее должно быть сейчас Лутх. Согласившись стать *óлни* Йиргема, она оставила семью, в которой выросла. Только Муйтх, самая близкая из ее прежних *рельó*, последовала за ней, чтобы Лутх не слишком тосковала.

Молодая йолна поймала взгляд своего *óлни*, улыбнулась ему и протянула свежую лепешку. Йиргем улыбнулся в ответ. Его *óлни* была прекрасна. В любом теле.

Он откусил от лепешки, которая оказалась необычайно вкусной, и потянулся за свежим плодом инжира.

— Что ты положила в тесто? — поинтересовался Йиргем.

— Это не я, это Муйтх придумала. Кислое молоко вместо обычного. Тебе нравится?

— Очень! Гораздо нежнее, чем обычно.

— Нежнее — это не потому. Сегодня мы заставили рабов четырежды перемолоть муку.

— Только нашу?

— Нет, мы хотим, чтобы они ели то же, что и мы. Мйелна говорит, что от грубой муки портятся зубы. Было бы нежелательно, чтобы кому-то из нас пришлось страдать от зубной боли.

— Правильно, — кивнул Йиргем, — о телах следует заботиться заранее.

— Тем более, — вставила молчавшая до сих пор Лйерн, — нам это ничего не стоит. Вот если бы нам самим пришлось молоть рабам муку...

— Бывало и так, — задумчиво произнесла Мйелна.

Все замолчали, с ожиданием глядя на нее. *Найí* Мйелна была не просто одной из лучших рассказчиц среди йолнов Кемета, она была хранительницей. Не желая доверять тайны папирусу, йолны предпочитали и легенды, и накопленные веками знания передавать из уст в уста. Многие старшие йолны держали в памяти несчетное количество легенд. Хранителями, однако, называли не всех. Отличной памятью мог похвалиться любой йолн — труднее было понять глубинную связь между событиями, суметь осмыслить историю, уяснить для себя и поведать другим то, что в нее вложено. Опытная хранительница, Мйелна могла рассказать одну и ту же историю множество раз, при каждом повторении открывая слушателям новый, более глубокий смысл.

Впрочем, на этот раз Мйелна рассказывала не легенду. Она делилась с младшими *тайí* воспоминаниями о том, что случилось с ней задолго до рождения любого из них.

— Это было очень давно, кажется, при одном из Менухотепов. Четыре фараона подряд носили это имя, так что я иногда путаю их правления, — начала Мйелна. — Я жила тогда в месте, которое сейчас называют Абу. Это небольшой остров посередине Нила, тогда там только построили храм Таверет, которую до сих пор весьма почитают в тех местах. Наша

семья жила в этом месте очень, очень долго. Привыкнув к безопасности, мы стали неосторожны, — Мйелна вздохнула. — Некоторые из нас начали слишком часто менять тела, не всегда продумывая последствия. Мы стали беспечны, потому что привыкли считать людей неразумными животными. Я вижу твою усмешку, Райгр. Что ж... к сожалению, это один из тех уроков, что можно выучить только на собственном опыте. Я лишь надеюсь, что у тебя он будет не слишком горьким.

Райгр, перестав улыбаться, опустил глаза.

— Я не буду подробно рассказывать о каждом поступке из тех, что навлекли на нас беду, — продолжила Мйелна. — Но одно событие было, пожалуй, хуже всех прочих. Одна из нас как-то оказалась слишком беспечна, меняя тело, и не заметила, что за ней наблюдали. Свидетелем был всего лишь ребенок, но дети взрослеют...

Мйелна снова вздохнула и застыла, погружившись в молчание. Йиргем чувствовал, что даже сейчас, спустя много столетий, ей было тяжело говорить о тех давних событиях. Пауза затягивалась, но йолны, уважительно склонив головы, терпеливо ждали. Наконец Мйелна заговорила вновь.

— Я не стану рассказывать о том, что случилось и как нам пришлось бежать с острова Абу. Не сегодня. Не хочу портить чудесный вечер. Быть может, однажды я и поведаю вам обо всем, но сегодня я вспомню лишь о том, что случилось во время бегства. Шестерым из нас удалось спастись от разъяренной толпы на небольшом корабле, всего шестерым из всей семьи, остальных мы потеряли... Четверо из нас изнемогали от ран, и, увы, с нами были только два раба-человека. Только два — на четверых йолнов, тела которых нуждались в замене.

Мйелна снова прервалась, на этот раз, чтобы смочить горло глотком пива. Никто не издал ни звука. Это было самым страшным, что мог себе представить любой из народа йолнов, — оказаться тяжело больным или раненым и не иметь возможности сменить тело. Если оно откажется служить раньше, чем йолн сумеет найти новое, — он умрет. Что может быть страшнее, чем потерять жизнь, великий дар, который только йолны и умели по-настоящему ценить? Конечно, большинство людей тоже не хотели умирать, но ведь все они рано или поздно расстаются с жизнью, так какая разница, случится это днем раньше или днем позже? Куда страшнее терять вечность. Ни один йолн никогда не пренебрег бы этим даром впустую, никогда не отнял бы добровольно жизнь соплеменника.

— Я знаю, — вновь заговорила Мйелна, — что вы иногда посмеиваетесь надо мной. Над моим интересом к людским телам и к тому, как они устроены. Но на том корабле я впервые поняла, как необходимо может оказаться любое, даже самое, казалось бы, бесполезное знание. Всякий раз, когда я вспоминаю об этом, я думаю, что с моими сегодняшними умениями могла бы вылечить раненые тела или хотя бы поддержать в них жизнь. Но, увы, тогда я сумела только остановить кровь, хлещущую из ран. Мы решили подождать со сменой тел до тех пор, пока есть хотя бы слабая надежда, что кто-нибудь из четверых поправится. Но беда была еще и в том, что рабы начали кое о чем догадываться. Если бы страх заставил их убежать, мы потеряли бы последние два тела. К счастью, кораблю предстояло плыть по течению, и двоих здоровых йолнов вполне хватало, чтобы справиться с управлением. Мы связали обоих рабов и должны были теперь заботиться о них так же, как и о раненых. Мы не только мололи рабам муку, — рассказчица кивнула в сторону Лйерн, — мы пекли им хлеб, кормили их и поили как детей, а днем обливали водой из Нила, чтобы они не умерли от солнечного жара...

— А потом? — тихо спросил Райгр.

— Потом? На третий день стало ясно, что одному из раненых нужно немедленно сменить тело — дольше ждать было нельзя. Раны остальных тоже воспалились, но они были в лучшем состоянии, и с ними мы решили ждать до последнего. Я вижу удивление на ваших лицах, *тайи*, вы не привыкли так рисковать... Но как было выбрать, кто из трех оставшихся раненых займет последнее тело? Им всем было одинаково плохо. Наутро пятого дня один из троих потерял сознание и больше не приходил в себя. Мне стало ясно, что дольше ждать нельзя. Я предложила оставшимся двоим бросить жребий, они согласились, и выигравший занял последнее тело. Еще через несколько дней нам удалось добраться до места, где жила семья йолнов, и получить помощь.

— А что случилось с тем, кто проиграл жребий? — спросил Йиргем.

— Он умер, — просто ответила Мйелна.

Слушая рассказ, йолны не заметили, как снаружи стемнело. Рабы, помня строгий наказ хозяина не являться без зова, не несли зажженных светильников, и в комнате с обычными в жарком Кемете маленькими окнами вскоре стало темнее, чем на улице.

— Не хотите посидеть на крыше? — предложил Йиргем. — Там сейчас должно быть хорошо.

— Что скажешь, *найи*? — повернулась к гостье Муйтх. — Побудешь с нами еще немного? Сегодня такой чудесный вечер. Не стоит заканчивать его рассказом о грустных днях.

— Побуду, если не надоела, — ответила Мйелна. — И на крыше вашей с удовольствием посижу.

— А еще что-нибудь расскажешь? Пожалуйста!

Йиргем улыбнулся. Муйтх сейчас казалась маленькой девочкой, выпрашивающей у кого-то из старших сказку на ночь. Улыбнулась и Мйелна.

— Расскажу, почему нет, *тайи*? Пойдем.

Йиргем подождал, пока йолны покинут комнату, и придержал за руку Лутх, уже готовую последовать за остальными.

— Конечно, ты можешь и не открывать мне свои секреты. Но если я не узнаю, о чем ты говорила с Мйелной, то умру. От любопытства.

Лутх звонко рассмеялась.

— Ничего особенного. Я лишь попросила найти девчонке хоть одного любовника до того, как я займу ее тело.

— Зачем? — удивленно спросил Йиргем.

— Не догадываешься? — повела плечами Лутх. — В первый раз у нас просто не было выбора, мы не хотели ждать лишнюю пару лет, — *олни* задорно подмигнула Йиргему и слегка покраснела, — но опять терять девственность? Ну уж нет. Мйелна сказала, что сделает, если получится. Не понимаю, что тут может не получиться.

— Она, наверное, имела в виду — без излишней жестокости, — сказал Йиргем. — Ты же понимаешь.

Лутх снова пожала плечами.

— Знаешь, — протянула она, — мне неловко так говорить о *найи*, но я порой думаю, что она слишком много времени проводит с людьми. Или слишком долго живет одна. Законы, конечно, нужно соблюдать, но тебе не кажется, что она толкует их чересчур строго? Не стоит забывать, что люди существуют для нас, а не наоборот.

— Не думаю, — ответил Йиргем, — что Мйелна об этом забыла. Она мудра и осторожна, не говоря уже о том, что опытна. Я тоже бываю не согласен с нею, но признаю, что советы *найи* всегда идут нам на пользу.

Лутх кивнула, но Йиргем видел, что не убедил свою *олни*, — ей просто не хотелось продолжать спор. Взявшись за руки, они направились к ведущей наверх лестнице.

Часть крыши в доме Рамоса занимала кухня, остальное же пространство было вторым садом — в глубоких глиняных посудинах росли кусты и небольшие деревья. Здесь любили сидеть по вечерам йолны — впрочем, в этом они не отличались от живших прежде в этом доме людей. Скамеек на крыше не было — то ли бывший писец пожалел денег, то ли ему нравилось сидеть прямо на полу, на больших подушках. Йиргем не возражал, хотя один стул сюда все же перенесли — для Йгерна, ворчавшего, что ему в теле старика Рамоса тяжело вставать с подушки после долгой неподвижности. Муйтх посмеивалась над Йгерном, напоминая, что прежний хозяин тела, видимо, не жаловался — раз сам не принес на крышу ни одного стула.

— Наконец-то, — сказал Райгр, первым увидев поднимающуюся по лестнице пару. — Они уже здесь, *найи*, ты можешь начинать.

Сказка, которую выбрала в этот вечер Мйелна, была одной из самых ею любимых.

— Очень давно в дальних землях жили на свете *олни* Йорг и Йимо. В тех краях среди людей было принято, что мужчина может иметь много жен. Поэтому, когда Йимо приходило время сменить тело, Йорг находил женщину, которую называл по людскому обычаю женой, и Йимо забирала ее тело себе. Если же Йоргу нужно было новое тело, он находил себе молодого раба, усыновлял его, а затем брал его тело и в нем наследовал предыдущему телу, как приемный сын покойному отцу. И так йолны жили на одном месте тысячу лет. Они были так счастливы, что каждого тела хватало им на столетие. Только одно печалило их: не рождались у Йимо свои дети, *йольо*. Они с Йоргом с радостью растили *йольо* других старших в семьях, но чем дальше, тем больше им хотелось произвести на свет и свое дитя.

И вот однажды пришло время для Йимо менять тело, и Йорг поехал в далекий город и привез с собой девушку по имени Зои, которую назвал своей второй женой. Но когда Йимо подошла и хотела взять ее тело, девушка стала вырываться и плакать. Йимо удивилась, потому что еще не сделала ничего, что могло бы напугать девушку. Она ласково спросила: «Почему ты плачешь? Я не причиню тебе боли!» Но Зои ответила: «Я плачу, потому что узнала тебя. Ты демон, и ты хочешь выпить мою душу!» На это Йимо ответила: «Мне не нужна твоя душа, я хочу лишь взять твое тело. Разве не берут люди тела зверей для еды? И разве не берут сами звери тела других зверей? Так и мне нужно твое тело, чтобы продолжать жить». Но девушка заплакала еще горше и сказала: «Я молода, и я не хочу умирать. Но хуже всего для меня то, что я умру, не родив ребенка, и мой род прервется». Услышав эти слова, Йимо опечалилась и сказала: «И у меня никогда не было детей, но такова судьба, и ничего тут не поделать. Я смирилась с ней, смиришься и ты». Тогда девушка посмотрела на нее и сказала: «Знай же, демон, что я — ведунья, как моя мать до меня и ее мать до нее. Мне ведомы многие тайны, скрытые от людей. Если я помогу тебе зачать, позволишь ли ты мне жить?» И надежда вспыхнула в сердце у Йимо, и она поклялась великой клятвой в том, что если зачат ребенка, то Зои будет жить до тех пор, пока не умрет от старости.

Тогда Зои сварила из трав снадобье и произнесла над ним слова, которым научила ее мать. И велела она Йимо: «Пойди в полнолуние в сад вместе с мужем своим, выпей то

снадобье пополам с ним и возляг с ним на сырой земле среди трав, чтобы луна видела вас и благословила. И с той ночи понесешь ты в чреве своем».

Помутила надежда разум Йимо, и забыла она о том, что нужно ей новое тело. Сделала Йимо так, как наказала ведунья, и стало по слову ее: понесла с той ночи Йимо дитя, и не было предела ее счастью. Но тело Йимо было слабым, и стала она болеть. Наступил день, когда она легла и не могла больше подняться, и дыхание ее сделалось шумным, а ноги и руки отекали и стали подобны стволам пальмы. И пришли к ней другие старшие, и сказали: «Смотри, вот рабыня, она молода, красива и здорова. Возьми ее тело и живи дальше». Но ответила Йимо: «Я не могу оставить это тело, ибо в нем растет мое дитя. Если я покину тело, *йольо* умрет, и тогда я сама пожелаю себе смерти». И старшие плакали, слыша это. И тогда пришел к Йимо Йорг и просил ее: «Любимая, не оставляй меня одного. Неужели должен я лишиться моей *олни* и умереть в тоске?» Но Йимо ответила ему так: «Не плачь, это тело еще живет. Если судьбе будет угодно, оно проживет до тех пор, пока не настанет пора разрешиться от бремени. Если же я сменю тело и мое дитя умрет, я все равно зачахну от тоски». И Йорг плакал, слыша это, и сидел с Йимо каждый день в надежде, что она не умрет.

Когда пришел срок Йимо разрешиться от бремени, она была слишком слаба и не могла помочь своему ребенку появиться на свет. И тогда привели к ней рабыню, молодую и здоровую, и Йимо взяла себе ее тело. А прежнему телу разрежали живот и извлекли оттуда ребенка, и была это йолна. И Йимо в новом своем теле взяла ее на руки и сказала: «Дитя мое, чудом зачатое и чудом рожденное! Я нарекаю тебя Гйол, чудо-ребенок».

Все йолны в семье Йорга радовались, старшие и младшие. Тогда сказала им Йимо: «Пусть ведунья Зои живет среди нас и не знает ни в чем нужды, ибо такова была моя клятва». И сказали старшие: «Это против наших обычаев». Возразила им Йимо: «Что же мне делать? Если я нарушу клятву, многие беды падут на меня!» И сказали старшие: «Клятва имеет силу, лишь когда дана одним йолном другому, и не имеет, когда дана не йолну». И Йимо знала, что эти слова справедливы, но не было в ее сердце покоя. Тогда старшие сказали ей: «Если эта женщина дорога тебе, то пусть остается с тобой, но никогда не покидает твоего дома». В ответ сказала Йимо: «Да будет так!» И Зои осталась в их доме, и никто не чинил ей вреда, и не нуждалась она ни в чем.

Прошло много лет, и некоторые из тех, кто родились в один год с Гйол, чудо-ребенком, впервые сменили тела, но не Гйол. И говорили все: ее время настанет. Прошло еще время, и почти все из тех, кто родились в один год с Гйол, впервые сменили тела, но не Гйол. И говорили все: ее время настанет. И вот уже всякий йолн, родившийся в один год с Гйол, мог сменить тело, но время Гйол так и не настало. Тогда она пришла к своим родителям и спросила: «О йолны, давшие мне жизнь! Почему не могу я оставить это опостылевшее тело и занять новое, как делают мои *рельо*?» Заплакали Йорг и Йимо, потому что не знали, что ей ответить. Тогда Гйол вскричала: «Что, что делает меня отличной от других?» И Йимо обняла Гйол и рассказала ей правду о ее рождении.

Тогда Гйол пошла к Зои и спросила ее: «Ведунья, что ты сделала со мной? Почему не могу я сменить это тело?» И ответила ей Зои: «Я дала твоей матери снадобье, что делала много раз для других женщин, как моя мать до меня и ее мать до нее. Но снадобье это для людей, а не для демонов в людских телах». Тогда сказала Гйол: «Мать моя была добра к тебе и позволила жить, почему ты с ней так поступила?» Засмеялась Зои и сказала: «Я живу взаперти, словно дикий зверь в неволе, словно птица в клетке. Я лишена моих друзей и моей семьи, и каждый из вас смотрит на меня, как на собаку, что чудом выучилась ходить и

говорить. Мне не было позволено иметь детей, и со мной мой род прервется. Каждый год я вижу, как приводят в этот дом людей, подобных мне, и как демоны съедают их души. И ты называешь это добротой? Но знай, дитя демонов, что я не хотела вреда ни твоей матери, ни тебе. Откуда мне было ведать, что мое снадобье сделает с демоном? Твоя мать захотела пойти против судьбы и тем навлекла на тебя проклятие».

Заплакала Гйол и спросила ведунью: «Что же мне делать теперь? Ведь это тело состарится и умрет, и я умру вместе с ним!» Засмеялась Зои и ответила: «И мое тело состарится и умрет, и я вместе с ним. Но кто знает? Ищи, дитя демонов, быть может, ты найдешь путь, пройдешь по нему и в конце его снимешь проклятие».

И стала Гйол искать, как ей продлить свою жизнь и снять проклятие. Она просила старших рассказать ей все, что они знали о заклинаниях и проклятиях, и старшие рассказывали, но знали они очень мало, ибо не было прежде йолнам нужды в таких знаниях. Тогда пошла Гйол к хранителям йолнов и просила их о помощи, но знаний хранителей тоже оказалось мало. И тогда Гйол собралась в путь.

В пустыне, среди песков, жил старый хранитель по имени Айяр, что значит «Всеведущий». В незапамятные времена ушел Айяр от йолнов, и жил в покое и одиночестве, и менял тело лишь раз в тысячу лет. И говорили, будто не было такой тайны, которая оказалась бы ему неведома, и будто не было такого знания, которое оказалось бы от него скрыто.

Шла Гйол много дней, видела много земель и удивлялась тому, как велик мир. Наконец, достигла она земли, на которой никто не живет, и только ядовитые змеи ползают среди песков. И шла она по этой земле, пока не кончилась у нее вода. Тогда упала она, заплакала и стала просить смерть поспешить к ней. Но вместо смерти предстал перед Гйол старый хранитель Айяр, дал ей напиться из тыквенной бутылки и сказал: «Йолны никогда не торопят смерть, даже если та стоит рядом. Кто ты такая, йолна, и почему хочешь расстаться с жизнью?»

Тогда Гйол рассказала ему о себе, и долго Айяр молчал, а потом произнес такие слова: «Ты не можешь сменить тело, дитя, потому что обязана рождением человеческой женщине. Долг крови лежит на тебе, и он не дает тебе отнимать жизни у людей. Таких, как ты, не рождалось прежде. Но вижу я, что доступно тебе войти в новое тело, не отнимая при этом жизни».

И спросила Гйол: «Кто же и когда слышал о таком?»

Так ответил ей хранитель Айяр: «Никто и никогда. Но и о таких, как ты, до сих пор не слышали. Если только ты найдешь женщину, которая сама захочет пустить тебя в свое тело, и если не забудешь моих слов, то сумеешь снять проклятие. Но торопись, ибо ты должна встретить такую женщину на своем пути до того, как это твое тело состарится и станет немощным».

И осталась Гйол с хранителем Айяром на срок в один год, чтобы он научил ее всему, что ей было надо знать. А затем ушла из пустынной земли и стала странствовать по миру и искать женщину, которая согласилась бы отдать ей свое тело, и не находила такую. Среди людей лежали ее пути, не среди йолнов. Говорила Гйол с женщинами, просила отдать ей тело, предлагала щедро заплатить — серебром, или драгоценными камнями, или тайными знаниями. Но одни люди думали, что ум покинул Гйол, и при виде ее запирали засовы и молились своим богам, чтобы безумная миновала их порог. Другие же называли йолну демоном и хотели предать ее смерти, и тогда бежала Гйол дальше.

Так миновало много лет, и однажды Гйол оказалась на берегу великой реки и присела отдохнуть, а неподалеку купались в воде две молодые сестры. И выползла из воды черная змея Ку и ужалила обеих, и стали эти женщины кричать и плакать, ожидая смерти, потому что не умели в той земле исцелять от яда змеи Ку. Тогда подошла к сестрам Гйол и сказала, что может спасти обеих, если одна из них согласится в награду отдать ей свое тело. И женщины бросили жребий, кому из них предстоит вернуться домой, а кому — отдать Гйол свое тело, и та, что вытянула жребий, поклялась именами своих богов, что не обманет. Тогда йолна разрешила раны и высосала отравленную кровь, а потом омыла раны водой из великой реки и сказала над ними слова, которым научил ее хранитель Айар. Тут же ушел жар из ран обеих сестер, и они почувствовали себя здоровыми. А Гйол подошла к той из них, которая принадлежала ей по жребию, и та заплакала, но не решилась нарушить клятву. Гйол взяла ее за руку и почувствовала то, что чувствует любой йолн, когда меняет тело. Вспомнила Гйол, чему учил ее хранитель Айар, сдержала себя и не отняла жизнь у человеческой женщины, когда входила в ее тело. И день вокруг Гйол погас и вернулся вновь, и посмотрела она на мир глазами этой женщины, и увидела у ног своих прежнее тело. Обрадовалась Гйол и, не помня себя от счастья, поспешила домой. Много дней она шла, пока не достигла того дома, где появилась на свет. И все подивились судьбе Гйол и позвали йолнов, что жили поблизости, чтобы и они выслушали ее рассказ.

И стала Гйол жить со своей семьей, не расставаясь с ней даже на день. Пять лет спустя пожелала она вновь сменить тело, и старшие ей позволили, потому что прежнее слишком изнашивалось в странствиях. Но когда Гйол вошла в новое тело, случилось чудо — прежнее ее тело не упало на землю, а осталось жить, ибо душа той женщины, которой оно принадлежало прежде, не умерла, а ждала, пока Гйол оставит тело.

С тех пор Гйол может менять тела, когда захочет, как и любая другая йолна. Но люди, тела которых она забирает, остаются живы, ибо лишь так может Гйол уйти от проклятия. И до сих пор, если родители думают, что жизнь новорожденной йолны будет тяжелой, то дают ей имя Гйол. Считается, что оно приносит удачу в тяжелые времена.

— Скажи, Мйелна, — спросила Муйтх после положенной из уважения к рассказчице паузы, — как ты думаешь, такое могло быть на самом деле?

— Что именно, милая?

— Чтобы человек остался жив после того, как йолн жил в его теле.

— Я не встречала такого. Да и зачем бы ты захотела оставить человека в живых, Муйтх? Чтобы он, освободившись, побежал и рассказал обо всем соседям?

— Я не сказала, что хотела бы, — смутилась йолна, — я лишь спросила. Может быть, если бы мы научились оставлять их в живых, то сумели бы с ними договориться? Мы могли бы жить, не таясь, и покупать тела на время.

Мйелна усмехнулась.

— Мы бы никогда не смогли жить, не прячась. Люди завистливы. Они не простили бы нам долгой жизни, *тайи*. Если они убивают себе подобных ради жалких денег, чего ждать от них чужакам?

— Скажи, — вмешался Йиргем, чувствуя, что Муйтх готова в пылу беседы перешагнуть границы приличия, — а бывало так, чтобы кто-нибудь из людей сам, по доброй воле захотел отдать тело йолну?

Мйелна вновь усмехнулась.

— За сотни лет, что я прожила, — ответила она, — я запомнила немало легенд и сказок.

Я слышала сказки о том, как несколько йолнов жили в одном теле, как йолны занимали тела животных, даже ютились в стволах деревьев... Но того, о чем ты сейчас сказал, *тайí*, не было даже в сказках.

[Купить полную версию книги](#)